
Ливия
НОРВЕЙН
ИЗМЕНА ГЕНЕРАЛА.
Ты так меня не целовал

Ливия Норвейн

Измена генерала. Ты так меня не целовал

https://litres.ru/74729323
SelfPub; 2026

Аннотация

— Я уже полгода с другой женщиной, Тая.

Шестнадцать лет я была женой генерала Вересова. Переезжала ради его службы, ждала с работы, верила ему. А он полгода возвращался домой после свиданий с любовницей.

В тридцать девять я сняла квартиру, подала на развод и рискнула вернуться к мечте — актерской работе. На записи аудиоспектакля моим партнером стал Ренат Сомов. Тот самый голос из любимых фильмов. Только в жизни он смешнее, упрямее и опасно притягательнее своих героев.

На первом свидании мы сбежали из слишком шумного ресторана. На втором он почти не мог говорить. Но именно тогда поцеловал меня так, что я забыла все заготовленные слова.

Я снова жду сообщений, волнуюсь перед встречами и учусь говорить, чего хочу сама. И вдруг бывший муж, разрушивший наш брак, предлагает все начать сначала.

Только теперь у меня есть что ему ответить.

«Ты так меня не целовал».

Содержание

Глава 1. Другая 4
Глава 2. Проба 43
Глава 3. По другую сторону стекла 95
Конец ознакомительного фрагмента. 135

Ливия Норвейн
Измена генерала. Ты так меня не целовал

Глава 1. Другая

— У меня есть другая женщина, — сказал Леонид.

Я стояла у раковины с мокрой тарелкой в руках. За окном моросил дождь, на плите остывала курица с овощами. Леонид вернулся на час раньше, чем обещал, и я успела обрадоваться: в последнее время мы редко ужинали вместе.

— Что? — переспросила я.

Он сидел за кухонным столом. Пиджак повесил на спинку стула, галстук ослабил, но не снял. Перед ним лежал телефон экраном вниз.

— Я должен был сказать тебе раньше.

Я поставила тарелку на сушилку. Неловко, под углом. Она соскользнула, стукнула о соседнюю чашку, и я зачем-то поправила обе.

— Кто она?

Леонид потер переносицу.

— Тая, давай спокойно.

— Я спросила, кто она.

Он посмотрел на меня. За шестнадцать лет брака я научилась различать выражения его лица. Сейчас он был похож на себя перед неприятным разговором с подчиненным: собранный, немного усталый, заранее готовый выслушать возражения.

— Вера Данич. Мы познакомились по работе.

— По какой работе?

— Она занимается коммерческими мероприятиями в гостиничном комплексе, где у нас проходили конференции.

Я вспомнила гостиницу. Не саму Веру, а толстые конверты с приглашениями, которые Леонид приносил домой, фотографии с конференций, бесконечные разговоры об организации и приезжих делегациях.

— И давно?

Он отвел взгляд.

Я уже ненавидела эту паузу. Человек, которому нечего скрывать, не подбирает так долго число.

— Шесть месяцев.

Я провела ладонью по столешнице. На ней осталось немного воды.

— С марта?

— Примерно.

— Что значит «примерно»?

— С конца марта.

Я кивнула.

В марте мы отмечали годовщину свадьбы. Не торжествен-

но: Леонид вернулся поздно, я заказала еду из ресторана, который мы оба любили. Он подарил мне серьги. Я до сих пор помнила, как он спросил, нравятся ли они мне, и сам застегнул одну, когда у меня не получилось.

Подарок лежал наверху, в шкатулке.

— Значит, когда мы ужинали в «Беллини» в апреле, у тебя уже была любовница?

— Тая...

— Да или нет?

— Да.

Я посмотрела на плиту.

— Курица остынет.

Леонид нахмурился.

— При чем здесь курица?

— Не знаю. Я ее два часа готовила.

Он потянулся к моей руке, но я отступила, прежде чем он успел прикоснуться.

— Я понимаю, что тебе сейчас тяжело.

— Ты не знаешь, что мне сейчас.

Он убрал руку.

Мы замолчали.

На холодильнике мигнул дисплей. Восемнадцать сорок семь. Я запомнила это совершенно ненужное число, потому что не могла заставить себя снова посмотреть на мужа.

Мне было тридцать девять лет. Шестнадцать из них я прожила с человеком, который сейчас сидел в нескольких шагах

и сообщал мне о полугодовой измене так, словно мы обсуждали продажу машины.

Я ждала, что он скажет что-нибудь еще. Объяснит, что это ошибка. Что он прекратил отношения, что хочет сохранить семью, что испугался и потому так долго молчал.

Но Леонид только спросил:

— Ты сядешь?

— Зачем?

— Нам нужно поговорить.

— Мы уже разговариваем.

— Ты стоишь у раковины.

Я вытерла руки полотенцем и села напротив.

Он немного расслабился. Видимо, решил, что мы наконец перешли к нормальному обсуждению проблемы.

— Я не хотел, чтобы все произошло так, — начал он.

— А как ты хотел?

— Я долго пытался разобраться.

— Шесть месяцев?

— Не все эти шесть месяцев.

— Сколько тогда? Четыре? Пять?

— Тая, если ты собираешься ловить меня на каждом слове...

— Я пытаюсь понять, сколько времени ты мне врал.

Он замолчал.

Леонид всегда плохо переносил вопросы, на которые у него не было удобного ответа. На работе это почти никогда

не случалось. Дома он привык, что я либо понимаю его с первого раза, либо откладываю разговор, пока он не будет готов.

Я вдруг подумала, сколько раз за последние полгода сама говорила: «Не сейчас, ты устал».

Наверное, много.

— Ты ее любишь? — спросила я.

Он посмотрел на окно.

— Я к ней привязан.

— Это не ответ.

— Я пока сам не могу тебе ответить.

— А она знает, что ты женат?

— Конечно.

— И что ты ей говорил обо мне?

— Не думаю, что тебе стоит сейчас...

— Леонид.

Он резко выдохнул.

— Что у нас давно не все хорошо.

Я оглядела кухню.

Чистые шкафчики, светлая столешница, полотенце на ручке духовки. На холодильнике магнит из Калининграда, куда мы ездили два года назад. Возле окна стояли две одинаковые кружки, подаренные его сослуживцем.

— А я об этом знала? — спросила я.

— О чем?

— О том, что у нас давно не все хорошо.

— Ты же чувствовала, что мы отдалились.

Да. Иногда чувствовала.

Последние годы Леонид работал много. Я тоже. Он возвращался усталым, я старалась не приставать к нему с разговорами. Мы реже выбирались куда-нибудь вдвоем, все чаще проводили вечера каждый за своим делом. Я считала это периодом. У нас прежде бывали сложные времена, и мы всегда находили способ снова сблизиться.

— Ты говорил мне, что устал, — ответила я. — Говорил, что на работе проблемы. Я верила.

— Это тоже правда.

— А про Веру ты мне ничего не говорил.

— Понятно почему.

Его ответ был таким простым, что я несколько секунд не могла ничего произнести.

— Да, — наконец сказала я. — Теперь понятно.

Он наклонился вперед.

— Я не хочу превращать это в скандал. Ты имеешь право злиться, я понимаю. Но давай попробуем пройти через это нормально.

Я смотрела на его руки.

Большие, ухоженные. На безымянном пальце обручальное кольцо.

— Вы продолжаете встречаться?

— Да.

Я подняла глаза.

— Сегодня тоже встречались?

— Сегодня нет.

— А вчера?

— Тая.

— Я не собираюсь звонить ей и выяснять отношения. Мне нужно знать, в каком положении я нахожусь. Ты продолжаешь с ней спать?

Он поморщился.

— Не обязательно говорить об этом такими словами.

— Какими? Правильными?

— Да, мы продолжаем отношения.

Я встала.

— Тогда мне больше нечего обсуждать.

— Подожди.

Он тоже поднялся. Стул скрипнул по полу.

— Я не говорил, что хочу немедленно что-то менять.

Я остановилась.

— Что?

— Нам не обязательно принимать решения сегодня. Мы взрослые люди. У нас общая жизнь, имущество, обязательства. Можно спокойно подумать.

— О чем?

— О том, как нам дальше жить.

— Вместе?

Он молчал достаточно долго, чтобы я поняла ответ.

— Ты хочешь продолжать встречаться с ней, а я пока буду

здесь? — спросила я.

— Я не предлагаю ничего подобного.

— А что ты предлагаешь?

— Не торопиться.

— С чем?

— С разводом, переездом. Со всем.

Я почти рассмеялась.

Не потому, что было смешно. Просто происходящее становилось настолько нелепым, что я не знала, как иначе на него реагировать.

— Ты полгода встречался с другой женщиной, а мне предлагаешь не торопиться?

— Не передергивай.

— Я ничего не передергиваю. Я пытаюсь понять. Ты хочешь продолжать с ней отношения и одновременно жить со мной, пока мы не решим, как удобнее разойтись?

— Я хочу, чтобы никто не пострадал больше необходимого.

Мне стало противно от этого «никто».

До сегодняшнего вечера у нас с Леонидом было много общих слов. Наш дом. Наши планы. Наш отпуск. Теперь он неожиданно заговорил от имени каких-то других людей.

— Ты уже решил, как тебе удобнее, — сказала я. — Просто не спросил меня.

— Я как раз сейчас с тобой разговариваю.

— После шести месяцев.

Он устало провел рукой по лицу.

— Я понимаю, что виноват. Что еще ты хочешь услышать?

Я не знала.

Если бы он сейчас упал передо мной на колени, я бы, наверное, разозлилась еще сильнее. Если бы заплакал, мне пришлось бы утешать его. Я столько лет делала это автоматически, что боялась не удержаться.

— Ты собираешься от нее уходить? — спросила я.

Леонид не ответил.

И я поняла, что больше не хочу задавать вопросы.

***

Мы познакомились, когда мне было двадцать три.

Он уже служил, много ездил, носил форму с такой естественностью, будто родился в ней. Мне казалось, что с ним ничего страшного случиться не может.

Я тогда играла в небольшом театре. Ролей было мало, денег еще меньше, но я любила эту жизнь: пыльные кулисы, мятые тексты, чай в бумажных стаканчиках, репетиции до позднего вечера.

На третьем месяце знакомства мне досталась первая приличная роль. Накануне генеральной репетиции я сидела у Леонида в квартире и никак не могла запомнить переход между двумя большими сценами.

Он предложил помочь.

— Ты же ничего в этом не понимаешь, — предупредила я.

— А ты проверь.

Я вручила ему распечатку, в которой красной ручкой были отмечены реплики второго персонажа.

Сначала он читал совершенно деревянно. Я смеялась, останавливала его, объясняла, почему герой не должен звучать так, будто отдает приказ.

Леонид добросовестно пытался исправиться.

Часа через два я наконец сыграла нужный кусок без запинки.

— Вот, — сказал он. — Теперь верю.

— Ты же не разбираешься.

— А мне и не надо. Я тебе поверил.

На следующий день он приехал на спектакль. В форме, прямо после работы, с букетом, который неудобно было держать между коленями. Сидел в третьем ряду и смотрел на сцену так внимательно, что я несколько раз находила его глазами.

Потом мы долго шли по холодному городу, и он спрашивал, почему моя героиня в конце не вернулась к мужчине, которого любила.

Я объясняла, горячилась, цитировала текст.

Он спорил.

Мы замерзли, купили кофе, просидели в круглосуточном кафе почти до утра.

Через несколько месяцев он сделал мне предложение.

Когда Леониду предложили повышение с переводом в другой город, я уехала с ним. Мне было двадцать четыре, я

считала, что смогу устроиться в любой театр, а если не получится — попробую позже.

В новом городе мест в труппах не оказалось.

Я начала преподавать сценическую речь. Сначала подменяла заболевшую знакомую, потом получила собственные занятия. Мне нравилось наблюдать, как люди переставали бояться собственного голоса, как подросток вдруг осмеливался заговорить перед аудиторией.

Через три года мы снова переехали.

Потом еще раз.

Постепенно преподавание стало моей основной профессией. Я работала много, иногда уставала сильнее Леонида. Но мне все чаще приходилось слышать, что с моей работой проще: можно подобрать другое расписание, перенести занятия, найти замену.

Сначала он сам говорил, что гордится мной.

Потом интересовался главным образом тем, когда я освобожусь.

Последние семь лет мы жили в Москве. Леонид получил новую должность, я устроилась в учебный центр, набрала постоянных учеников, начала вести индивидуальные занятия со взрослыми.

Мы были вполне благополучной парой.

Друзья спрашивали, как нам удалось сохранить брак при таком количестве переездов.

Я отвечала, что мы умеем разговаривать.

Теперь, вспоминая эти слова, я испытывала почти физическое неудобство.

***

Первую ночь после признания я провела в гостевой комнате.

Леонид постучал около одиннадцати.

— Тая, ты не спишь?

Я сидела на узком диване, поджав ноги, и рассматривала экран телефона. Ничего не читала. Просто листала фотографии, пока не начала узнавать одни и те же.

— Нет.

— Можно войти?

— Зачем?

За дверью послышалось движение.

— Я хотел узнать, как ты.

— Ты знаешь.

— Я серьезно.

— И я.

Он помолчал.

— Может, поговорим завтра?

— Завтра.

— Хорошо. Спокойной ночи.

Я не ответила.

Через некоторое время услышала, как он прошел по коридору. В спальне закрылась дверь.

Мне хотелось выйти, догнать его и спросить еще тысячу

вещей.

Когда он впервые ее поцеловал?

Что он говорил ей после свиданий?

Сравнивал ли нас?

Были ли дни, когда он торопился от меня к ней?

А когда возвращался домой и ложился рядом, вспоминал ли о том, что сделал?

В июне мы ездили за город на выходные. Он сам предложил, нашел гостиницу, забронировал хороший номер с видом на воду. Мы гуляли, ужинали, даже занимались любовью. Я тогда решила, что постоянная усталость наконец отступает.

Теперь мне было страшно думать об этой поездке.

Не потому, что все приятное в ней вдруг стало ложью. Я действительно была счастлива в те два дня. Это чувство принадлежало мне, и отнять его задним числом Леонид не мог.

Но он знал то, чего не знала я.

Я снова открыла фотографии.

На одной Леонид стоял у деревянного причала, слегка прищурившись от солнца. Я сама сделала снимок. Перед этим он смеялся, потому что я неудачно наступила на мокрую доску и едва не села в воду.

Я приблизила фотографию.

На его лице не было ничего необычного.

Я пыталась найти там человека, который изменял мне уже почти три месяца, и не могла.

В половине второго я позвонила себе на другой телефон, просто чтобы услышать звук в пустой комнате. Звонок пришел на старый аппарат, лежавший рядом с зарядкой.

Я тут же отключилась.

Поступок был глупый. Я устала, но не могла уснуть.

Мне хотелось позвонить Лиде. Рассказать, что случилось, услышать знакомый голос. Мы учились вместе, много лет поддерживали связь, и она знала Леонида почти с самого начала нашего брака.

Но если бы я произнесла все вслух, это окончательно стало бы правдой.

Я пока не могла.

В три часа я наконец легла. Постельное белье пахло порошком, который покупала я. В квартире было тихо.

За стеной спал мой муж.

Я смотрела на штору, едва заметно шевелившуюся от открытого окна, и вспоминала, как когда-то он называл меня Таськой.

Не Таей, как в последние годы, а Таськой.

Говорил, что так мне больше подходит. Что я слишком часто смеюсь, чтобы быть серьезной Таисией.

Когда он перестал?

Я не вспомнила.

И только тогда заплакала.

Не красиво, не тихо. Села на диване, закрыла лицо ладонями и плакала так, что несколько раз приходилось вставать

за водой.

Больше всего меня мучило не то, что он выбрал другую женщину.

Он сделал этот выбор давно, а я все это время продолжала выбирать его.

***

Утром я проснулась от запаха кофе.

На секунду решила, что ничего не произошло.

Потом увидела незнакомую для буднего утра стену гостевой комнаты и вспомнила.

На кухне Леонид стоял у кофемашины. Уже одетый, выбритый, с привычно застегнутыми манжетами.

— Доброе утро, — сказал он.

Я остановилась в дверях.

— Доброе.

Он поставил передо мной чашку.

— Я сделал тебе кофе.

На кухонном столе лежали два тоста. Он помнил, что я не ем сладкого по утрам.

Я смотрела на чашку и вдруг испытала злость.

Шестнадцать лет эта маленькая забота означала, что мы семья. Сегодня тот же поступок казался попыткой продолжить вчерашний день так, словно можно было просто не упоминать о случившемся.

— Спасибо, — сказала я.

Я села. Леонид сел напротив.

— У меня утром совещание. Вечером смогу вернуться к семи.

— Хорошо.

— Нам действительно нужно нормально обсудить все.

Я подняла глаза.

— Я помню.

Он кивнул, удовлетворенный ответом.

Ему нравилось, когда мы договаривались.

— Я не хочу, чтобы ты считала себя в чем-то виноватой, — добавил он.

— Я не считаю.

Он явно ожидал другой реакции.

— Хорошо.

Я сделала глоток. Кофе был слишком горячим.

— Ты ей уже рассказал, что признался мне?

Леонид медленно опустил чашку.

— Нет.

— Расскажешь?

— Наверное.

— Сегодня?

— Не знаю, Тая.

Я вдруг заметила, насколько искренне его раздражают эти вопросы.

Вчера вечером ему пришлось рассказать мне об измене. Он сделал тяжелую часть работы и, возможно, рассчитывал, что дальше я сама займусь собственными переживаниями,

не мешая ему.

— Ты понимаешь, что теперь все будет по-другому? — спросила я.

— Конечно.

— Я не буду спать с тобой.

— Я и не предлагал.

— И не буду делать вид, что ничего не случилось.

— Никто тебя об этом не просит.

— Хорошо.

Он посмотрел на часы.

— Мне пора.

Я автоматически встала, чтобы проводить его до двери.

Сделала два шага и остановилась.

Шестнадцать лет я провожала Леонида утром. Иногда целовала в щеку, иногда в губы, поправляла воротник, напоминала взять документы или зонт.

Он уже поднял с вешалки плащ и обернулся.

Мы посмотрели друг на друга.

— Пока, Тая.

— Пока.

Я осталась стоять у кухонного стола.

Впервые мне не пришлось торопиться за ним в прихожую.

Удобнее от этого не стало.

***

В десять началось мое первое занятие.

Саше было семнадцать. Он готовился к выступлению на

молодежной конференции и очень хотел говорить так, чтобы никто не заметил, как он нервничает.

— Давайте еще раз, — предложила я.

Он вздохнул.

— Можно я просто прочитаю с листа?

— Можно. Но вы же сами говорили, что хотите попробовать без него.

— Теперь передумал.

— Хорошо. Тогда сначала с листа.

Я села напротив. У нас было небольшое помещение с серыми стенами, круглым столом и высоким окном. В соседней аудитории кто-то громко повторял иностранные слова.

Саша прочитал два абзаца, запнулся и рассердился.

— Я вообще не понимаю, зачем мне это нужно.

— Вы хотите участвовать в конференции?

— Хочу.

— Тогда начнем с того, что вы сами думаете о своей теме.

Он отложил лист.

— Я думаю, что организаторы совершенно не понимают, как работают эти приложения.

Я впервые за утро улыбнулась.

— Вот с этого и надо было начинать.

Он недоверчиво посмотрел на меня.

— С того, что они ничего не понимают?

— С того, что вы неравнодушны к теме. Дальше подберем формулировки.

Через полчаса Саша уже спорил со мной, размахивал руками, забывал смотреть в текст. Я попросила его повторить начало выступления. Он вдруг заговорил уверенно и даже сам удивился.

— Это получилось? — спросил он.

— Да.

— А почему раньше не получалось?

— Вы старались произвести впечатление. А сейчас объясняли то, что знаете.

Он немного помолчал.

— Странно.

— Что именно?

— Когда я просто говорю, вроде нормально.

— Вот и запомните.

После занятия Саша ушел довольный, а я еще несколько минут сидела за столом.

Я произносила почти те же слова десятки раз. Помогала людям справляться с волнением, слышать собеседника, не прятаться за красивыми фразами.

А у себя дома годами выбирала удобный тон, чтобы Леонид не раздражался.

Я открыла расписание.

Сегодня у меня было четыре занятия. Завтра три. В пятницу еще пять.

Обычная рабочая неделя, благодаря которой я могла оплачивать собственную жизнь.

С тех пор как мы переехали в Москву, я зарабатывала достаточно стабильно. Не столько, сколько Леонид, но никогда не оставалась без денег. У меня были свои ученики, постоянные часы в учебном центре, небольшой запас на счете.

Раньше я воспринимала это как удобство: могла покупать вещи, не обсуждая каждую трату с мужем.

Теперь тот же доход внезапно приобрел совсем другое значение.

Я открыла приложение банка, посмотрела остаток и впервые начала считать не отпуск, не замену холодильника и не подарки на Новый год.

Аренду.

Залог.

Коммунальные платежи.

Продукты.

Я выписала цифры в блокнот.

Получилось не так страшно, как я ожидала. Придется отказаться от привычного уровня комфорта, но я смогу жить отдельно.

На сайте объявлений нашлось несколько небольших квартир неподалеку от центра.

В одной был ужасный коричневый диван.

В другой — крошечная кухня.

Третья выглядела вполне прилично, но на фотографиях не было ванной, что вызывало подозрения.

Я сохранила все три.

Потом еще две.

На следующем занятии я встретила взрослого ученика, который последние месяцы готовился к публичным выступлениям на работе.

— Таисия Андреевна, — спросил он, собирая вещи, — вы не планировали группу для взрослых открыть? У меня коллега тоже хочет к вам. И еще двое спрашивали.

— Пока нет.

— Жаль. Индивидуально всем дорого получается.

— Понимаю.

— Если надумаете, скажите. Я бы тоже пришел, мне полезно.

Он ушел, а я записала его предложение.

Групповой курс я обдумывала давно. Даже составляла примерную программу на шесть занятий, но дальше черновиков дело не заходило. Не хватало времени, помещения, уверенности, что кто-нибудь запишется.

И, наверное, привычки начинать что-то свое, если для этого нужно менять расписание.

Сейчас идея показалась мне разумной.

Я открыла старый файл. Почти все в нем выглядело сырым, но несколько упражнений я по-прежнему считала хорошими.

Впервые за сутки я больше десяти минут думала не о Леониде.

Потом увидела от него сообщение.

«Как дела?»

Я несколько секунд смотрела на экран.

Раньше ответила бы, что все хорошо, рассказала про занятия, спросила, успел ли он пообедать.

Теперь написала:

«Работаю».

Он ответил почти сразу:

«Понял. Вечером поговорим».

Я убрала телефон.

***

В четверг Леонид пришел с папкой.

Это было даже немного обидно. Он всегда любил папки, и я знала, что внутри наверняка лежит аккуратно составленный план.

Мы сели в гостиной.

— Я посмотрел, какие у нас есть варианты, — сказал он.

— Варианты чего?

— Дальнейших действий.

Он достал несколько листов.

Мне захотелось попросить его убрать их обратно.

— Тая, послушай сначала. Я не пытаюсь навязать тебе решение.

Он говорил спокойно, и я заставила себя выслушать.

Квартира принадлежала Леониду еще до нашего брака. Машина была куплена позже, как и часть накоплений. У нас не было общих несовершеннолетних детей, поэтому сам

развод при взаимном согласии можно было оформить через загс.

Все это я уже знала.

Он предложил пока не менять бытовой порядок, разобраться с деньгами и только потом принимать окончательное решение о проживании.

— Я хочу съехать, — сказала я.

Леонид положил ручку.

— Куда?

— Сниму квартиру.

— Зачем тебе платить за чужую?

— Чтобы там жить.

— Ты понимаешь, что это лишние расходы?

— Да.

— Тая, у нас три комнаты. Если тебе некомфортно, я могу пока пользоваться гостевой.

Я внимательно посмотрела на него.

— Ты предлагаешь мне жить рядом с тобой, пока ты встречаешься с Верой?

Он скривился.

— Мы опять возвращаемся к этому?

— А куда мы от него уходили?

— Я не собираюсь приводить ее сюда.

— Как благородно.

— Не надо.

— Что именно не надо?

— Разговаривать так, будто я намеренно хочу сделать тебе больно.

Я несколько секунд пыталась подобрать ответ.

— Ты уже сделал мне больно, Леня. Очень. Я понимаю, что тебе неприятно это слышать, но я не собираюсь делать вид, что теперь все нормально ради твоего спокойствия.

Он опустил глаза.

В другой день меня бы смягчило это движение. Я бы пожалела его, спросила, не устал ли он, предложила сделать перерыв.

Сегодня я осталась сидеть.

— Я ищу квартиру, — продолжила я. — Постараюсь переехать до конца следующей недели.

— Не нужно торопиться.

— Я решила.

— Ты хотя бы можешь не принимать все на эмоциях?

— Я считала стоимость аренды и свой доход. Посмотрела квартиры. Это не только эмоции.

Он откинулся на спинку кресла.

— Ладно. Раз решила, я мешать не буду.

Я кивнула.

— И еще. Я хочу развестись.

Леонид посмотрел на меня так, будто именно сейчас услышал новость.

— Тая, я говорил, что пока не готов...

— А я готова.

— Ты ведь сама еще ничего не осмыслила.

— Мне достаточно того, что я знаю.

— Ты даже не спросила, можно ли что-то исправить.

— Я спросила, продолжаешь ли ты с ней отношения. Ты ответил, что да.

Он молчал.

— Я не хочу ждать, пока ты решишь, какая женщина тебе нужнее, — добавила я.

— Я никогда не собирался ставить тебя в такое положение.

— Но поставил.

Он встал и прошел к окну.

За последние два дня я несколько раз представляла этот разговор. В одних фантазиях Леонид признавался, что ошибся, и просил прощения. В других злился, обвинял меня, говорил, что я сама разрушила семью.

На самом деле он стоял у окна и молчал.

Я понимала, что ему тоже тяжело. Шестнадцать лет нельзя просто сложить в папку, как документы на машину.

Но его тяжесть не делала мою меньше.

— Хорошо, — сказал Леонид. — Если ты этого хочешь, я согласен.

— Спасибо.

Он обернулся.

— Не надо благодарить меня так.

— Как?

— Будто мы чужие.

Я посмотрела на него.

— А как ты хочешь?

Он ничего не ответил.

***

Вечером я начала собирать вещи.

Сначала документы. Паспорт, диплом, свидетельство о браке, трудовые бумаги, медицинские документы. Потом украшения, косметику, одежду.

С книгами оказалось сложнее.

Мы покупали их вместе. Некоторые принадлежали Леониду, некоторые мне, большинство за годы успели перемешаться.

Я вытащила из шкафа старый томик пьес, полистала и обнаружила билет на спектакль.

На обороте было написано:

«Таське, которая сегодня всех победила. Л.»

Я села прямо на пол.

Билет был шестнадцатилетней давности. Я узнала название театра и дату. Тот самый вечер, когда мне впервые досталась большая роль.

Леонид тогда купил два билета, хотя второй ему был не нужен, и пошутил, что зрителям за его счет достанется больше места.

Я прижала билет к колену.

Раньше мне казалось, что неприятные воспоминания со

временем становятся понятнее. Если пройти по событиям от начала до конца, обязательно найдется момент, где все пошло не так.

С нашим браком это не получалось.

Я помнила сотни хороших дней.

Леонида, который нес мой тяжелый чемодан по вокзалу, когда мы переезжали впервые.

Леонида, который ночью искал круглосуточную аптеку, когда я заболела.

Леонида, который ради моего дня рождения научился готовить пасту и потом полгода гордился этим.

И того же человека, который шесть месяцев ездил к другой женщине, возвращался домой и спрашивал, не купить ли мне что-нибудь по дороге.

Я не могла совместить их в голове.

В дверь заглянул Леонид.

— Помочь?

Я подняла глаза.

Он увидел раскрытую коробку и стопки книг.

— Ты уже собираешься?

— Да.

— Могла бы подождать, пока найдешь квартиру.

— Мне так проще.

Он подошел и заметил билет у меня в руках.

— Откуда это?

— Из книги.

Леонид взял билет, посмотрел и неожиданно улыбнулся.

— Господи, сколько лет прошло.

Я ничего не сказала.

— Помнишь, как мы после спектакля пошли в кафе? — спросил он. — Ты еще ругалась на режиссера.

— Помню.

— А я пытался доказать, что он прав.

— Ты даже не знал, что именно он изменил.

Леонид усмехнулся.

— Зато ты так завелась, что забыла, как нервничала перед выходом.

Я тоже почти улыбнулась.

Потом вспомнила, зачем сижу на полу с раскрытой коробкой.

Леонид перестал улыбаться.

— Тая, я правда не хотел, чтобы мы до этого дошли.

Мне стало очень больно.

— А я не хотела, чтобы ты спал с другой женщиной.

Он опустил билет на книгу.

— Я знаю.

— Нет, Леня. Ты знал, что я этого не хочу, когда начал с ней встречаться. И потом знал. Каждый раз.

Он медленно выпрямился.

— Я не собираюсь оправдываться.

— Тогда не надо.

Он ушел.

Я осталась на полу еще на несколько минут.

Билет я положила в коробку с документами.

Не потому, что хотела сохранить надежду на прежнюю жизнь.

Просто это тоже была моя жизнь. Хорошая ее часть. И я не собиралась делать вид, что ее никогда не существовало.

***

В пятницу утром Леонид оставил на столе номер знакомого юриста.

— Если захочешь посоветоваться, — сказал он.

Я посмотрела на бумажку.

— Найду своего.

— Я же не навязываю.

— Знаю.

Он некоторое время стоял рядом.

— Ты кому-нибудь рассказала?

— Пока нет.

— Я бы хотел, чтобы мы обошлись без лишних разговоров. Ты же понимаешь, у меня должность.

Я подняла на него глаза.

— Я никому не собираюсь рассылать подробности нашей жизни.

— Я не это имел в виду.

— А что?

Он вздохнул.

— Неважно.

Я взяла чашку.

— Но когда меня спросят, почему мы расстались, я не стану говорить, что у нас просто не совпали характеры.

— Можешь говорить что хочешь.

— Спасибо за разрешение.

— Тая, я прошу тебя...

Он осекся.

Я видела, как ему хочется вернуть привычный разговор. Чтобы я перестала язвить, он перестал защищаться, а потом мы выпили кофе и разошлись по делам.

Мне самой этого хотелось.

Было бы гораздо легче, если бы можно было просто забыть последние дни.

Но я представила, что останусь здесь. Продолжу стирать его рубашки, выбирать продукты, встречать гостей, рассказывать о поездках и успехах Леонида.

Каждый раз, когда он задержится, я буду думать о Вере.

Каждый раз, когда он обнимет меня, буду спрашивать себя, обнимал ли ее сегодня.

И хуже всего — однажды я, возможно, привыкну даже к этому.

— В понедельник я позвоню насчет развода, — сказала я.

Он кивнул.

— Хорошо.

В прихожей Леонид задержался возле зеркала, поправляя галстук.

Раньше он нередко просил меня помочь: у него были крупные пальцы, и тонкая ткань иногда упрямо выворачивалась.

Сегодня я видела, что узел перекошен.

Но ничего не сказала.

Он поправил его сам.

***

Первые три дня я почти не ела.

На четвертый обнаружила, что очень голодна, и купила в пекарне два больших пирога. Один съела по дороге домой, обжигая пальцы горячей начинкой.

Потом разозлилась на себя за то, что вообще способна испытывать удовольствие.

В субботу я проснулась поздно. Леонид уже уехал.

На кухонном столе лежала записка: «Буду вечером. Л.»

Я убрала ее в мусорное ведро, сварила кофе и села с ноутбуком у окна.

Дождь наконец закончился.

За домом виднелась небольшая парковка. Мужчина в темной куртке пытался сложить детский велосипед в багажник машины. Девочка лет шести стояла рядом и возмущенно объясняла ему что-то, размахивая руками.

Он остановился и присел, чтобы ее выслушать.

Девочка продолжала говорить. Мужчина кивал, иногда отвечал. Наконец они вместе развернули велосипед другим колесом, и тот поместился.

Я смотрела, как он пристегивает девочку в детском кресле.

У них была обычная суббота.

У меня тоже должна была быть обычная суббота.

Мы с Леонидом собирались сходить в магазин за новыми шторами в спальню. Я присмотрела ткань, он обещал выбрать со мной. Потом думали пообедать где-нибудь поблизости.

Теперь шторы стали совершенно ненужными.

Я открыла сайт объявлений.

Ответила на два предложения, договорилась о просмотрах квартир на следующую неделю.

Потом достала блокнот и составила список вещей, которые возьму.

Оказалось, у меня не так много собственного крупного имущества.

Книги, ноутбук, рабочие материалы, одежда, посуда, несколько дорогих мне мелочей.

Все остальное в квартире было либо куплено вместе, либо принадлежало Леониду еще до свадьбы.

Я не чувствовала себя ограбленной. Просто впервые увидела, насколько удобно я устроилась в его жизни и насколько мало думала о возможности отдельного существования.

К часу дня я составила примерный бюджет.

К двум разобрала документы.

В три обнаружила, что все еще сижу в пижаме.

Я пошла в душ, вымыла голову, надела джинсы и удобный свитер.

В зеркале ванной отражалась обычная женщина с мокрыми волосами, немного опухшими глазами и раздражением на подбородке.

Мне захотелось выглядеть красиво.

Не для Леонида. Не для возможного мужчины, которого я даже не могла представить рядом с собой.

Просто красиво.

Я достала любимую помаду, которую давно не использовала, потому что она оставляла следы на чашках. Накрасила губы, посмотрела на себя и рассмеялась.

В субботу, дома, в старом свитере, с яркой помадой.

Зато мне понравилось.

Я сделала фотографию, но никому не отправила.

Вечером пошла гулять.

Без цели. Прошла несколько улиц, купила чай, посидела на скамейке возле небольшого сквера.

Мимо проходили люди с пакетами, собаками, колясками. Кто-то спешил на встречу. Кто-то говорил по телефону, сердился, смеялся, жаловался на цены.

В какой-то момент я поймала себя на странной мысли.

Мой брак закончился, а город никак на это не отреагировал.

Кафе работали. Автобусы ездили. В магазине у дома раскладывали новую выпечку.

Мне стало немного легче.

Не потому, что пережитое оказалось незначительным.

Просто жизнь была гораздо больше нашей квартиры, наших привычек и человека по имени Леонид Вересов.

Я давно об этом забывала.

***

В воскресенье утром муж спросил, не хочу ли я поехать с ним за город.

Я стояла в прихожей, застегивая куртку.

— Куда?

— В тот комплекс, где мы были летом. Можно погулять, пообедать. Спокойно поговорим.

Я медленно повернулась к нему.

Он действительно не понимал.

Или понимал, но очень хотел, чтобы я согласилась. Возможно, думал, что знакомое место напомнит нам о хорошем.

Мне тоже хотелось туда поехать.

Сесть с ним в машину, выбрать музыку, остановиться на заправке за кофе. По дороге спорить о чем-нибудь бессмысленном. Попросить его сбавить скорость на знакомом повороте.

В этом желании не было ничего постыдного.

Я прожила с ним шестнадцать лет. Мои привычки никуда не исчезли за несколько дней.

— Нет, — ответила я.

— Почему?

— Потому что мы там были вместе, когда ты уже встречался с Верой.

Он замер.

— Ты не можешь теперь связывать с этим абсолютно все.

— Я ничего не связываю специально. Я просто помню.

— Но мы же хорошо провели время.

— Да.

Он явно не ожидал согласия.

— И что это меняет?

— Ничего.

Я подняла сумку с пола.

— Куда ты идешь?

— Пройдусь. Потом хочу посмотреть квартиры на карте, разобраться с дорогой до работы.

— Я мог бы тебя отвезти, когда начнутся просмотры.

— Спасибо. Я сама.

Он кивнул.

У двери я остановилась.

Мне вдруг очень захотелось спросить, был ли он вчера с ней.

Его не было почти весь день. Вернулся поздно, когда я уже легла.

Я даже знала, как задам вопрос. Спокойно, коротко, без обвинений.

Но вместо этого сказала:

— Я вечером вернусь.

— Хорошо.

Я вышла.

На улице было прохладно. Сентябрь только начинался, но ветер уже приносил запах мокрых листьев.

Дойдя до остановки, я села на автобус, который шел в сторону моего учебного центра. Не потому, что мне было нужно на работу. Просто маршрут был знакомым, и я хотела немного побыть среди людей.

По дороге я открыла телефон.

В переписке с Лидой последнее сообщение оказалось месячной давности.

Тогда она прислала мне ссылку на объявление о пробах.

«Тась, у нас тут ищут женский голос для небольшого аудиоспектакля. Требуют профессиональную речь, живая актерская работа важнее узнаваемости. Я вспомнила про тебя. Попробуй, а?»

Я ответила:

«Лид, какая из меня актриса? Я сто лет не играла».

Она написала:

«Ты каждый день учишь людей этому делу. Хотя бы посмотри условия».

Я тогда просмотрела объявление мельком. Запись для теста, короткий отрывок, очная проба в студии, несколько смен работы. Оплата небольшая, но вполне приличная для такой роли.

Потом Леонид вернулся с работы, пожаловался на непри-

ятный разговор с начальством, и я отложила телефон.

Больше к объявлению не возвращалась.

Теперь я открыла ссылку.

Отбор еще шел.

Для пробы нужно было записать два коротких фрагмента и отправить до следующей среды. Один — спокойный разговор, другой — сцена с сильным эмоциональным напряжением.

Я перечитала требования три раза.

На первом курсе я могла бы сделать это за час.

В двадцать три я вообще не сомневалась бы, что должна попробовать. Даже если бы не получила роль, сама возможность выйти к микрофону показалась бы приключением.

Сейчас мне было тридцать девять.

У меня были ученики и расписание. Ипотеки не было, зато впереди маячили аренда, переезд, развод и совершенно непонятная жизнь.

Я уже открыла переписку, чтобы написать Лиде, что у меня не получится.

Потом остановилась.

Почему?

Нужно было только записать два отрывка.

Никто не требовал уволиться с работы, переехать в другой город или доказать, что я способна начать актерскую карьеру заново.

Всего лишь попробовать.

Автобус остановился у знакомого перекрестка.

Я вышла и прошла к учебному центру. Сегодня он был закрыт, но через стеклянные двери виднелись стойка администратора, несколько цветных афиш и расписание групп.

Я подошла ближе.

На одной афише была фотография девушки, которая занималась у меня два года назад. Недавно она поступила в театральный институт и теперь проводила для подростков открытую встречу.

Я помнила ее на первых занятиях.

Неловкой, испуганной. Она постоянно глотала окончания слов и смотрела в пол.

А теперь уверенно улыбалась с афиши.

Я вдруг испытала гордость.

И зависть.

Совсем небольшую, неприятную, но честную.

Ей хватило смелости пойти туда, куда она хотела.

А я последние годы все время находила причины отложить собственные желания.

Я отошла от дверей и снова открыла переписку с Лидой.

Написала:

«Привет. То объявление про аудиоспектакль еще актуально?»

Ответ пришел через минуту.

«Таська! А я думала, ты забыла. Актуально. Пробы до среды. Ты решила?»

Я остановилась у витрины цветочного магазина.

В отражении увидела себя: темный свитер, длинные волосы, сумка через плечо. Обычная женщина, которая несколько дней назад узнала об измене мужа и пока не представляла, где будет жить через десять дней.

Я не знала, получится ли у меня сыграть даже маленькую роль.

Не знала, смогу ли выдержать развод без новых ссор.

Не знала, сколько раз еще захочу позвонить Леониду и попросить его объяснить, зачем он все разрушил.

Но сейчас меня спрашивали о другом.

Не о муже.

О том, чего хочу я.

Я написала:

«Да. Хочу попробовать. Пришли мне текст».

Лида ответила почти сразу:

«Сейчас скину. И, Тась, я очень рада».

Я перечитала ее сообщение, убрала телефон и пошла к метро.

Дома меня ждали коробки, разговоры о разводе и чужая спальня, в которой я прожила шестнадцать лет.

Но теперь у меня было еще одно дело.

Небольшое, возможно, совершенно несерьезное.

Мое.

Глава 2. Проба

В понедельник я проснулась за пять минут до будильника.

Леонид лежал рядом.

Я несколько секунд смотрела на его спину, пытаясь понять, как оказалась в нашей спальне. Потом вспомнила, что ночью пошла за зарядкой, прилегла на свою половину кровати и незаметно уснула.

Мы не прикасались друг к другу. Между нами оставалось достаточно места, чтобы положить еще одного человека.

Я осторожно встала.

В ванной обнаружила, что не сняла на ночь обручальное кольцо.

Покрутила его на пальце. Кожа под ним была светлее остальной руки. Я попыталась стянуть кольцо, но оно застряло на суставе. Пришлось намылить палец.

Золотой ободок наконец соскользнул в ладонь.

Я положила его на край раковины, умылась и долго смотрела на себя в зеркало.

Вчера вечером Лида прислала мне два отрывка для актерской пробы. Я открывала их перед сном, но дальше первых строк не продвинулась.

Сегодня нужно было работать, найти время для записи, договориться о просмотрах квартир и подать заявление на развод.

Четыре дела.

Еще неделю назад я могла потратить целое утро на выбор новой помады и совершенно не чувствовать, что чего-то не успеваю.

Теперь мне казалось, что если я остановлюсь хотя бы на час, то останусь в этой квартире навсегда.

На кухне Леонид разговаривал по телефону.

— Нет, перенесите на четверг. Я в среду не успею. Да, материалы посмотрю сегодня.

Увидев меня, он завершил звонок.

— Доброе утро.

— Доброе.

Он взглянул на мою левую руку.

Я заметила это и сунула ладони в карманы халата.

— Ты нашла квартиру? — спросил он.

— Пока выбираю.

— Если нужны деньги на залог, скажи.

— У меня есть.

— Я не сомневаюсь. Просто предлагаю помощь.

Он говорил без раздражения. Даже заботливо.

Наверное, от этого было больнее всего. Если бы Леонид вдруг стал грубым и неприятным человеком, мне было бы легче уходить.

Но он оставался мужчиной, который знал, какой кофе я люблю, помнил о моей аллергии на определенное лекарство и никогда не забывал поздравлять мою маму с днем рожде-

ния.

И одновременно мужчиной, который полгода спал с другой женщиной.

— Я договорилась о консультации по разделу имущества, — сказала я.

— С кем?

— С юристом.

— Ты могла бы взять контакт, который я оставил.

— Я хочу своего специалиста.

Леонид кивнул.

— Разумно.

Я достала чашку из шкафа.

— Нам нужно подать заявление.

— На этой неделе?

— Да.

Он опустил взгляд на телефон.

— Хорошо. Я уточню, когда смогу.

— Я посмотрела порядок. Если мы оба согласны, заявление можно подать без суда.

— Знаю, Тая.

Мне захотелось спросить, откуда он знает.

Может быть, изучал все заранее. Пока я покупала продукты и выбирала шторы, он уже выяснял, как удобнее развестись.

Но я промолчала.

— Давай договоримся о времени сегодня, — сказала я. —

Мне нужно планировать занятия.

— Договоримся.

Он подошел к кофемашине.

— Тебе сделать?

— Нет, спасибо.

— Ты ведь еще не пила.

— Я знаю.

На секунду мне показалось, что он сейчас скажет что-нибудь резкое. Но Леонид лишь взял свою чашку и отошел к окну.

Я вышла из кухни.

Обручальное кольцо осталось в ванной.

Я вспомнила о нем уже в лифте и возвращаться не стала.

***

Квартиру я посмотрела после второго занятия.

Она находилась на шестом этаже девятиэтажного дома, в тихом дворе, в двенадцати минутах ходьбы от метро. Оттуда до учебного центра можно было добраться за две станции и короткую прогулку.

Хозяйку звали Нина Павловна.

Ей было около шестидесяти. Она встретила меня в прихожей в мягких домашних тапочках и сразу предупредила:

— Квартира небольшая. И холодильник не новый. Но работает хорошо, я проверяла.

— Мне не нужен большой.

— Все так говорят, пока не начинают продукты покупать.

Я неожиданно улыбнулась.

Прихожая была узкой. За ней открывалась комната с диваном, шкафом и письменным столом возле окна. В углу стоял небольшой торшер.

На кухне помещались холодильник, плита, стол и два стула. Ванная выглядела чистой, хотя плитка давно вышла из моды.

Мне понравилось.

Не сразу, не безоговорочно. Просто здесь было светло, ничего не раздражало и можно было представить, как я возвращаюсь вечером с работы, ставлю чайник и сажусь за стол.

— Вы одна будете жить? — спросила хозяйка.

— Да.

— Работаете?

— Преподаю сценическую речь. В учебном центре.

— Это когда говорить учат?

— В том числе.

Нина Павловна задумчиво посмотрела на меня.

— А если человек всю жизнь говорит слишком громко, вы можете его переучить?

— Если сам захочет.

— Значит, моего бывшего мужа уже поздно.

Я не выдержала и рассмеялась.

Она тоже улыбнулась, но не стала объяснять шутку.

Мы осмотрели окна, сантехнику, проверили воду. Холодильник действительно работал, хотя гудел громче, чем хо-

телось бы.

Аренда составляла пятьдесят девять тысяч в месяц плюс коммунальные платежи по счетчикам. Залог — еще один месяц. Квартира сдавалась напрямую, без агентской комиссии.

Сумма была ощутимой.

Я мысленно прибавила к ней расходы на переезд, продукты, транспорт и обязательные платежи. Денег хватало, если не делать глупостей и не покупать сейчас ничего дорогого.

— Мне нужно подумать до вечера, — сказала я.

— Думайте. Только если решите, не затягивайте. Мне уже двое звонили.

Я кивнула.

У выхода Нина Павловна задержала меня:

— Стол хороший. Не смотрите, что старый. Массивный. Я за ним диссертацию писала.

— Вы преподавали?

— В институте. Теперь на пенсии.

— А что преподавали?

— Сопромат.

Я посмотрела на хрупкую женщину в домашних тапочках.

— Серьезно?

— А что, по мне не скажешь?

— Совсем нет.

— Вот и хорошо.

На улице я остановилась у подъезда и посмотрела на окна шестого этажа.

Я уже представляла свои книги на полках, ноутбук на старом столе, чашку возле окна.

Потом вспомнила нашу квартиру.

Большую спальню, кухню с дорогой техникой, гостиную, в которой мы принимали гостей. Плед, купленный в Италии. Кресло, которое я выбирала почти месяц.

Сразу стало жалко всего.

Я села на скамейку.

Телефон завибрировал.

Леонид прислал сообщение:

«Во вторник могу освободиться после двух. Посмотри, пожалуйста, получится ли подать заявление».

Я перечитала его дважды.

Потом открыла сайт загса.

Когда мы подавали заявление о заключении брака, мне было двадцать три. Я ужасно волновалась, трижды перепроверяла документы и все время боялась забыть паспорт.

Леонид смеялся и обещал, что даже без паспорта никуда меня не отпустит.

Теперь мне предстояло обратиться в тот же государственный орган за совершенно другой услугой.

Я проверила доступное время и ответила мужу.

Затем снова посмотрела на окна.

Нажала на номер Нины Павловны.

— Здравствуйте, это Таисия, я только что от вас ушла.

— Да, слушаю.

— Я хотела бы снять квартиру.

***

Вечером я впервые всерьез села за актерскую пробу.

Текст назывался «До воскресенья».

Шесть серий аудиоспектакля о жителях небольшого города, которых связывали давние знакомства, семейные дела и случайно открывшиеся обстоятельства. У каждого персонажа была своя история.

Мне предлагали попробоваться на роль Ольги.

Сорокалетняя женщина работала в городской библиотеке. В спектакле ее появление связывало несколько сюжетных линий, а в двух эпизодах она разговаривала с Павлом, человеком, который когда-то уехал из города.

Отрывки были небольшими.

В первом Ольга спорила с посетительницей из-за старых писем, которые та хотела забрать из библиотечного архива. Во втором разговаривала с Павлом после неожиданной встречи.

Вроде ничего сложного.

Но когда я прочитала первый фрагмент вслух, мне захотелось закрыть ноутбук.

Я звучала так, будто объясняла ученикам правила постановки ударений.

Внятно, ровно, без единого лишнего звука.

И совершенно мертво.

— Великолепно, Кленова, — сказала я пустой комнате. —

Еще немного, и тебя возьмут читать объявления в метро.

Я встала, закрыла окно, выключила холодильник на кухне и вернулась к столу.

Лида прислала технические требования: тихое помещение, запись без музыки, обычная речь, два отдельных аудиофайла.

Я попробовала записаться на телефон.

На первой попытке за стеной хлопнула дверь.

На второй я слишком резко начала фразу.

На третьей забыла слово.

После четвертой выключила запись и несколько минут сидела молча.

Я ведь действительно умела работать с текстом.

Объясняла ученикам, почему в предложении важнее мысль, чем красивое произношение. Умела добиваться от человека естественной интонации, слышала, когда он переставал общаться со слушателем.

Но стоило самой оказаться перед микрофоном, как я возвращалась к привычке все контролировать.

В театральном институте наш педагог называл это «хорошо подготовленным отсутствием жизни».

Тогда мне казалось ужасно несправедливым, когда он говорил подобное.

Сейчас я была готова с ним согласиться.

Я открыла второй отрывок.

Павел: «Я пришел, потому что хотел тебя увидеть».

Ольга: «Тогда зачем ты стоишь у двери?»

Павел: «Не знаю, можно ли мне войти».

Ольга: «Я тоже не знаю».

Всего четыре реплики.

Я прочитала их вслух и вдруг поняла, что весь вечер пыталась сыграть красивую женщину с красивой печалью.

А Ольга вовсе не обязана быть красивой.

Она стоит у себя дома. Перед ней человек, которого она когда-то очень любила. Он пришел без предупреждения, и ей одновременно хочется впустить его и захлопнуть дверь.

Я закрыла глаза.

Вспомнила не Леонида.

Вспомнила себя в двадцать пять, когда он задержался на службе на три недели дольше обещанного и вернулся без единого предупреждения. Я открыла дверь в старой футболке, с мокрой головой, и несколько секунд не могла поверить, что он действительно стоит передо мной.

Тогда мне захотелось одновременно смеяться и ругаться.

Я открыла глаза.

— Тогда зачем ты стоишь у двери? — произнесла я.

Услышала собственный голос и поняла, что впервые за вечер не пыталась его украсить.

Следующую попытку записала целиком.

Она была далека от идеала. В середине я чуть поспешила, а последнюю реплику произнесла слишком тихо.

Но в записи появился живой человек.

Я переслушала ее.

Потом записала первый фрагмент заново.

На часах было почти одиннадцать.

Я решила, что утром проверю файлы на свежую голову и отправлю.

Телефон лежал рядом с ноутбуком.

От Леонида пришло сообщение:

«Ты поздно?»

Я посмотрела на экран.

Мы находились в одной квартире, но он не знал, чем я занимаюсь.

Когда-то ему было интересно все, что касалось моих ролей. Он мог слушать один и тот же монолог десять раз и честно говорить, что в третьем варианте ему понравилось больше.

Я не знала, когда именно перестала показывать ему свою работу.

Написала:

«Скоро закончу».

Ответ пришел сразу.

«Я ужин разогрел. Оставил тебе».

Я поблагодарила и вернулась к записи.

Впервые за эту неделю мне не захотелось идти на кухню и продолжать разговор.

***

Во вторник мы подали заявление на развод.

Леонид приехал вовремя. На нем был темно-синий костюм, который я хорошо знала. Когда-то сама выбрала к нему галстук.

Мы вошли в здание, получили необходимые документы, сверили данные.

Все происходило буднично.

Сотрудница спокойно объяснила порядок регистрации расторжения брака и дату, когда нужно будет прийти снова. Мы подтвердили взаимное согласие.

Леонид расписался первым.

Потом ручку передали мне.

Я посмотрела на строку с нашей общей фамилией.

Вересова.

Шестнадцать лет назад она казалась мне такой красивой. Я даже несколько недель тренировалась подписываться по-новому.

Теперь я неожиданно подумала о том, что на работе меня по-прежнему знали как Кленову.

Я сохранила девичью фамилию для преподавания почти случайно. Сначала не хотела менять документы в театре, затем привыкли ученики и коллеги. Леонид никогда не возражал.

Получалось, что все эти годы часть моей жизни оставалась под собственным именем.

Я подписала заявление.

Сотрудница назвала дату регистрации.

До нее оставалось чуть больше месяца.

Мы вышли на улицу.

День был теплый. Солнечный свет отражался в стеклах припаркованных машин. Неподалеку женщина в светлом платье фотографировалась с мужчиной, который придерживал ее за талию.

Леонид заметил, куда я смотрю.

— Пойдем выпьем кофе? — предложил он.

Я колебалась.

— У меня через час занятие.

— Успеем.

Мы зашли в небольшое кафе за углом.

Я взяла капучино, он — черный кофе. Сели у окна.

Некоторое время молчали.

— Я не думал, что мы все сделаем так быстро, — сказал Леонид.

Я посмотрела на него.

— А чего ты ожидал?

— Не знаю. Что поговорим еще.

— Мы разговаривали.

— Неделю, Тая.

— Ты уже шесть месяцев знал о том, что происходит. У тебя было время подумать.

Он поставил чашку.

— Ты постоянно возвращаешься к этим шести месяцам.

— Потому что они были.

Леонид замолчал.

За соседним столиком женщина объясняла ребенку, почему нельзя есть шоколадное пирожное перед супом. Мальчик приводил свои доводы очень убедительно.

Я невольно прислушалась.

— Ты вообще меня слышишь? — спросил Леонид.

— Извини. Что?

Он посмотрел на соседний столик и покачал головой.

— Я говорю, что могу помочь с переездом.

— Я нашла квартиру.

— Где?

Я назвала район.

— Далековато, — заметил он.

— Две станции от работы.

— Я имел в виду от центра.

— Мне удобнее так.

Он некоторое время смотрел на меня.

— Ты уже внесла деньги?

— Договор подписываю сегодня. Я проверила документы хозяйки.

— Могла бы показать мне.

— Зачем?

— Чтобы я тоже посмотрел.

— Леня, я уже все проверила.

Он откинулся на спинку стула.

— Просто пытаюсь помочь.

— Я понимаю.

Это была правда.

Он привык помогать мне с документами, крупными покупками, поездками. Иногда я сама просила его. Иногда он принимал решение раньше, чем я успевала разобраться.

Сейчас ему, наверное, было трудно перестать.

Мне тоже.

— Я не хочу ссориться из-за каждой мелочи, — сказала я.

— Тогда не ссорься.

Я подняла брови.

Леонид устало улыбнулся.

— Прости. Неудачно вышло.

Мы допили кофе.

Когда официант принес счет, Леонид потянулся к нему.

Я не стала устраивать спор из-за двух чашек.

На улице он проводил меня до остановки.

— Тая, — сказал он, когда мы уже собирались разойтись.

— Да?

— Я ведь не перестал о тебе заботиться.

Я посмотрела на него.

Мне захотелось спросить, считает ли он заботой то, что сделал.

Но я видела его лицо. Он действительно верил в собственные слова.

— Я знаю, что ты можешь обо мне позаботиться, — ответила я. — Только теперь мне нужно учиться жить без этого.

Он открыл рот, будто хотел возразить, потом передумал.

Мой автобус подъехал к остановке.

— Пока, Леня.

— Пока.

Я поднялась в салон и села у окна.

Леонид остался на тротуаре.

Я смотрела на него, пока автобус не повернул.

Потом почувствовала, что плачу.

Тихо, без всхлипов.

Просто по щекам текли слезы, и я не успевала вытирать их рукавом.

Мы сделали все правильно. Спокойно, без унижений и угроз.

От этого почему-то было еще больнее.

***

К вечеру я подписала договор аренды.

Нина Павловна внимательно прочитала со мной каждый пункт, показала документы на квартиру, передала комплект ключей.

Мы вместе записали показания счетчиков, проверили мебель, сфотографировали состояние помещения и подписали акт приема-передачи.

— Если что-то сломается, сразу звоните, — сказала она. — Только не ночью, если вода не течет и пожара нет.

— Хорошо.

— И еще. Соседка снизу любит жаловаться на шум. Вы

музыкой занимаетесь?

— Нет. Я преподаватель речи.

— Это громко?

— Иногда.

Нина Павловна вздохнула.

— Тогда придется договариваться.

Я улыбнулась.

— Дома я обычно разговариваю тихо.

— Вот и прекрасно.

Она ушла, а я осталась одна в своей новой квартире.

Впервые по-настоящему своей — пусть и арендованной.

Я прошла в комнату, открыла окно.

Внизу кто-то разговаривал у подъезда. На детской площадке мальчик громко требовал вернуть ему самокат. В соседнем доме горел свет на кухне.

Мне нравилось, что здесь никто меня не знал.

Никто не мог спросить, почему генерал Вересов не приехал вместе со мной.

Я положила сумку на диван, прошла к столу и открыла ноутбук.

Еще раз прослушала пробы.

Во второй сцене я по-прежнему слышала лишнюю осторожность. Но больше не хотела записывать ее двадцать раз.

Я назвала файлы по требованиям, указала профессиональную фамилию и отправила письмо.

Через минуту пришло автоматическое подтверждение по-

лучения.

Я посмотрела на него и неожиданно испытала такое удовольствие, будто уже получила роль.

Нет, даже лучше.

Я сделала то, что давно хотела, не посоветовавшись с Леонидом и не подбирая момент, когда он будет свободен.

В квартире не было ни продуктов, ни постельного белья.

Я заказала доставку, а сама пошла в ближайший магазин за водой и хлебом.

По дороге купила небольшой букет хризантем.

Дома обнаружила, что поставить его некуда.

Пришлось искать в кухонном шкафу высокий стакан.

Я поставила цветы на стол и рассмеялась.

Моя новая жизнь начиналась с букета в стакане и холодильника, который громко гудел.

Вполне подходяще.

***

В среду я получила письмо из студии.

Меня приглашали на очную пробу.

Я перечитала сообщение четыре раза, потом позвонила Лиде.

— Ты представляешь? — сказала я вместо приветствия.

— Представляю. Мне уже Марта написала.

— Что написала?

— Что из присланных проб несколько интересных, и твоя среди них.

— Лид, не надо меня заранее обнадеживать.

— Я тебе дословно передаю.

— А кто такая Марта?

— Режиссер проекта. Марта Брагина. Мы с ней работали прошлой зимой.

— Она строгая?

— Нормальная.

— Это не ответ.

— Она не любит, когда человек приходит неподготовленным, и не терпит попыток объяснить, почему получилось плохо.

— Прекрасно.

— Тась, а что тебе нужно? Чтобы она гладила тебя по голове?

— Мне хотелось бы хотя бы не опозориться.

— Тогда выучи текст и приходи вовремя.

Я села на край дивана.

В старой квартире уже стояли коробки. Одежду я перевезла частично, книги пока оставались там.

Последние два дня я постоянно что-то переносила, складывала, проверяла, подписывала.

— Я так давно не пробовалась, — призналась я.

— Знаю.

— На занятиях у меня все получается. Но когда я сама читаю...

— Таська, ты ведь не обязана получить эту роль.

Я замолчала.

— В смысле?

— В прямом. Сходи на пробу. Сделай работу. Если не возьмут, узнаешь, что нужно подтянуть, и в следующий раз попробуешь еще.

— Ты всегда была ужасно практичной.

— Да. Поэтому я до сих пор работаю в этом прекрасном сумасшедшем деле.

Я засмеялась.

Лида помолчала.

— Как ты вообще? — спросила она.

Я посмотрела на коробки.

До сих пор я не рассказала ей о разводе.

— Мы с Леней расходимся.

На другом конце линии стало тихо.

— Что?

Я сглотнула.

— У него другая женщина. Уже полгода.

Лида не ответила сразу.

— Тась, можно я сейчас скажу очень плохое слово?

— Можно.

Она сказала.

Я засмеялась и неожиданно заплакала.

— Прости, — выговорила я.

— За что?

— Сама не знаю.

— Ты где?

— Пока у нас дома. Но уже сняла квартиру.

— Могу приехать.

— Не сегодня. У меня еще работа, вещи собирать.

— Уверена?

— Да.

Лида помолчала.

— Я не буду спрашивать подробности по телефону. Когда захочешь, расскажешь. Но если тебе нужно просто посидеть молча, тоже звони.

— Спасибо.

— И на пробу ты пойдешь.

— Пойду.

— Не для того, чтобы кому-нибудь что-нибудь доказать. Просто потому, что умеешь.

Я вытерла глаза.

— Хорошо.

Мы договорились встретиться позже.

После разговора мне стало легче.

Не настолько, чтобы перестать думать о Леониде. Но я больше не чувствовала, что все происходящее нужно держать внутри.

Вечером он помог донести две тяжелые коробки до прихожей.

— Это все книги? — спросил он.

— Нет. Остальные заберу в пятницу.

— Тебе нужен грузчик.

— Я заказала машину с грузчиками на субботу.

Он кивнул.

— Хорошо.

Потом посмотрел на раскрытую коробку, где лежали папки с текстами.

— Ты куда-то собираешься устраиваться?

— У меня пробы.

— Какие?

— На аудиоспектакль.

Леонид удивился.

— Серьезно?

— Да.

— Зачем?

Я подняла на него глаза.

— В каком смысле?

— У тебя же есть работа.

— И что?

— Ты всегда говорила, что преподавание тебе нравится.

— Нравится. Я не собираюсь бросать его.

— Тогда зачем еще одна нагрузка? У тебя сейчас и так непростой период.

Я закрыла коробку.

— Я хочу попробовать актерскую работу.

Леонид некоторое время смотрел на меня.

— Ну, попробуй, — сказал он наконец. — Только не из-

матывай себя.

Раньше я бы начала объяснять.

Сколько длится запись. Какое расписание. Почему роль небольшая. Что я все успею, никому не помешаю и не стану меньше заниматься домом.

Теперь я просто ответила:

— Хорошо.

Он ждал продолжения.

Не дождался.

***

В четверг утром я приехала на студию за двадцать минут до назначенного времени.

Здание находилось во дворе бывшего производственного комплекса. Снаружи — кирпичные стены, металлические лестницы и вывеска с названием студии. Внутри — светлый коридор, диваны для ожидания, несколько дверей с табличками и автомат с кофе.

На ресепшене мне выдали временный пропуск.

— Вы на пробы к Марте Брагиной?

— Да.

— Третья дверь направо. Вас позовут.

Я прошла в маленькую зону ожидания.

Там сидели две женщины. Одна читала текст с телефона, другая держала распечатку, испещренную пометками.

Обе выглядели спокойнее меня.

Я сняла куртку, села на край дивана и достала свой текст.

Руки были холодными.

Через несколько минут женщина с распечаткой ушла в студию.

Я слышала только приглушенные голоса из-за двери.

Потом она вышла, и следующая вошла.

Я посмотрела на часы.

Пять минут до назначенного времени.

В театральном институте я всегда волновалась перед выходом. Но тогда меня окружали знакомые люди, а впереди была понятная задача. Теперь я словно снова стала студенткой, которая надеется доказать, что не ошиблась дверью.

Дверь открылась.

— Таисия Кленова?

Я встала.

Передо мной стояла невысокая женщина лет сорока пяти с короткими темными волосами и очками на тонкой оправе.

— Да.

— Проходите.

В студии было прохладно. За стеклом сидел звукорежиссер, перед микрофоном стояла стойка для текста.

Марта представилась и показала, куда встать.

— Вы давно не записывались? — спросила она.

— В студии — давно. Преподаю сценическую речь.

— Поняла. Давайте сначала второй отрывок. Без подготовки, просто как чувствуете.

Я кивнула.

Надела наушники, поправила лист.

В стекле увидела свое отражение.

Марта села возле звукорежиссера.

— Готовы?

— Да.

Первые две реплики я произнесла уверенно.

На третьей вдруг услышала, насколько правильно звучит мой голос.

Слишком правильно.

Я старалась дышать в нужных местах, не задевать микрофон, держать ровную громкость. Все это занимало столько внимания, что на саму сцену его почти не оставалось.

— Стоп, — сказала Марта.

Я замерла.

— Таисия, вы сейчас очень хорошо читаете текст.

Я почувствовала, как краснею.

— Но?

— Но я пока не понимаю, чего Ольга хочет от Павла.

Я посмотрела на лист.

— Она боится снова ему поверить.

— Это я вижу в ремарке. Чего она хочет прямо сейчас?

Я задумалась.

— Чтобы он вошел.

— Почему тогда вы так старательно держите его на расстоянии?

— Потому что она злится.

— Злиться можно по-разному. Попробуйте не защищать ее заранее. Он стоит у двери. Она не знает, что он скажет. Ей интересно. И страшно. И очень хочется, чтобы он остался.

Я кивнула.

— Понятно?

— Да.

— Давайте еще раз. И перестаньте так заботиться о красоте голоса. Он у вас никуда не денется.

Из-за стекла звукорежиссер улыбнулся.

Я тоже невольно улыбнулась.

Вторая попытка началась хуже первой.

На первой реплике я слишком сильно изменила интонацию, на второй сама почувствовала фальшь.

Марта не остановила.

Я дошла до вопроса:

— Тогда зачем ты стоишь у двери?

И вдруг представила не себя и не Леонида, а эту женщину.

Ольга смотрела на Павла и видела человека, которого очень давно хотела встретить. Но теперь он действительно стоял перед ней, и она боялась сделать неверный шаг.

Я чуть подалась вперед.

Последнюю реплику произнесла без заранее подготовленной паузы.

— Я тоже не знаю.

В наушниках было тихо.

— Вот, — сказала Марта.

Я осторожно подняла глаза.

— Что?

— Теперь появился разговор. Вы не просто показывали нам настроение, вы пытались что-то получить от партнера.

Я выдохнула.

Марта попросила прочитать первый отрывок.

С ним оказалось легче. После нескольких замечаний я перестала ловить каждый звук и начала следить за тем, что говорит героиня.

Затем Марта задала вопросы о расписании.

Я объяснила, в какие дни веду занятия и какие часы могу освободить.

— Основные смены мы планируем на следующие недели, — сказала она. — Несколько больших записей, потом при необходимости короткие исправления. Совмещать сможете?

— Если согласуем даты заранее, да.

— Хорошо.

Я сняла наушники.

— Спасибо.

Марта кивнула.

— Результат сообщим после просмотра всех проб.

На выходе я едва не забыла куртку.

В коридоре остановилась возле окна и впервые за все утро нормально вдохнула.

Потом достала телефон.

От Лиды было сообщение:

«Ну что? Жива?»

Я ответила:

«Физически да. Морально уточняю».

Она немедленно прислала смеющийся значок.

Я положила телефон в сумку и пошла к метро.

По дороге мне хотелось подробно разбирать каждую ошибку. Вспоминать, как я поставила ноги, где вдохнула, зачем так поспешила с последней репликой.

Но впервые за долгое время я испытывала удовольствие даже от неидеальной работы.

Я была в студии.

Меня слушали.

Мне давали замечания, и я могла их выполнить.

Это было гораздо важнее, чем я ожидала.

***

В пятницу я провела пять занятий подряд.

К вечеру у меня болели ноги и немного саднил голос.

Последний ученик, сорокадвухлетний руководитель отдела продаж по имени Андрей, закончил упражнение и устало опустился на стул.

— Я все равно начинаю говорить быстрее, когда на меня смотрят, — пожаловался он.

— Вы замечаете это уже в процессе. Раньше замечали только после выступления.

— То есть прогресс есть?

— Есть.

Он улыбнулся.

— А вы не планируете группы?

Я посмотрела на него.

— Вы уже второй человек, который спрашивает.

— Серьезно? Просто индивидуальные занятия дороговато выходят. И хочется тренироваться на настоящих слушателях, а не только на вас.

— Спасибо, Андрей.

Он испугался.

— Я не в плохом смысле.

— Я поняла.

— С вами очень удобно. Вы, конечно, строгая, но...

— Андрей.

— Да?

— Я подумаю насчет группы.

Он обрадовался.

— Если откроете, напишите. У нас еще двое коллег заинтересованы.

После занятия я записала его контакт в отдельный список.

У меня уже было четыре потенциальных участника.

Для полноценной группы хотелось бы набрать восемь.

В учебном центре имелась свободная аудитория по субботам, но условия аренды я еще не уточняла.

Я открыла старую программу курса и просмотрела упражнения.

Шесть занятий.

Первое — работа с волнением.

Второе — построение выступления.

Третье — голос, дыхание, темп.

Четвертое — взаимодействие со слушателями.

Пятое — ответы на вопросы и неожиданные ситуации.

Шестое — итоговые выступления с подробной обратной связью.

Программа была вполне рабочей. Не хватало конкретных заданий и понятного описания для будущих участников.

Я села за стол и начала править.

Через сорок минут обнаружила, что стало темно.

В коридоре уже выключили половину света.

— Таисия Андреевна, — заглянула администратор Катя, — вы домой собираетесь?

— Да, сейчас.

— А то я уже подумала, вы тут ночевать будете.

— Не исключено. Стол удобный.

Катя засмеялась.

— Если серьезно, в октябре субботняя аудитория пока свободна. Мы как раз новые группы планируем.

Я подняла голову.

— А кто вам сказал, что мне нужна аудитория?

— Вы же на прошлой неделе спрашивали, можно ли открыть курс для взрослых.

Я вспомнила.

Действительно спрашивала. Между занятиями, почти на

бегу, и потом сама забыла.

— Можно обсудить условия? — спросила я.

— Конечно. Только с руководителем, я сейчас не решаю. Запишу вас на следующую неделю?

— Запишите, пожалуйста.

Когда Катя ушла, я посмотрела на свой блокнот.

За пять дней я сняла квартиру, подала заявление на развод, сходила на актерскую пробу и начала обсуждать собственный курс.

От этого списка мне стало не столько радостно, сколько страшно.

Я слишком долго жила в понятном распорядке.

Теперь все менялось одновременно.

Мне хотелось, чтобы кто-нибудь сказал, что я справлюсь.

Раньше таким человеком был Леонид.

Я достала телефон, почти открыла нашу переписку и остановилась.

Не потому, что решила никогда больше не обращаться к нему.

Просто сейчас он не мог дать мне то, чего я хотела.

Я написала Лиде:

«Хочешь в выходные кофе? Я тебе расскажу про пробу и про все остальное».

Она ответила через несколько минут:

«Хочу. В субботу после двух?»

Мы договорились встретиться возле моего нового дома.

***

В субботу я переехала окончательно.

Грузчики приехали в девять. Леонид помог вынести несколько коробок к лифту, хотя я говорила, что это необязательно.

Пока мужчины загружали машину, мы стояли в прихожей.

Я уже забрала большую часть одежды, косметику, книги, документы. На полках остались его вещи и несколько общих фотографий.

— Ты точно ничего не забыла? — спросил Леонид.

— Если что-то найду в списке, напишу.

— Я могу привезти.

— Хорошо.

Он посмотрел в сторону спальни.

— Странно все это.

Я кивнула.

— Да.

— Шестнадцать лет.

Мне захотелось сказать, что я тоже умею считать.

Но в его голосе не было привычной сухости. Он казался растерянным.

— Я ведь не планировал, что ты вот так уйдешь, — сказал Леонид.

Я повернулась к нему.

— А как ты планировал?

Он помолчал.

— Не знаю.

И впервые за все наши разговоры я поверила этому ответу без оговорок.

Возможно, он действительно не представлял себе последствий.

Наверное, думал, что мы будем долго обсуждать, как все устроить, и я останусь в квартире, пока он определится с собственными чувствами.

Я не стала объяснять это вслух.

— Мне пора, — сказала я.

Леонид посмотрел на мою сумку.

— Давай я хотя бы провожу до машины.

— Хорошо.

Мы спустились вместе.

Грузчики уже закрывали двери фургона.

Леонид положил руку мне на плечо.

Привычное движение.

Сколько раз он так делал, когда мы шли рядом или стояли в очереди. Я даже не замечала.

Сейчас почувствовала тепло его ладони через ткань пальто и едва удержалась, чтобы не прижаться к нему.

Мне захотелось хотя бы на минуту стать прежней Таей.

Той, которая верила, что ее муж самый надежный человек на свете.

— Береги себя, — сказал Леонид.

Я кивнула.

— Ты тоже.

Он убрал руку.

Я села в такси, которое вызвала заранее.

Когда машина тронулась, Леонид остался стоять у подъезда.

Я не обернулась второй раз.

В новой квартире грузчики занесли коробки, поставили их вдоль стены, помогли передвинуть тяжелый стол.

Когда за ними закрылась дверь, я огляделась.

Вещей оказалось неожиданно много.

Одна коробка подписана «КНИГИ».

Вторая — «КНИГИ, РАБОТА».

Третья — «КНИГИ, НЕ ТЯЖЕЛАЯ», хотя по весу мало отличалась от остальных.

Четвертая содержала чашки, несколько тарелок и маленькую кастрюлю.

Я села на пол посреди комнаты и засмеялась.

Потом заплакала.

Сама не знала почему.

День был тяжелый, но ничего плохого уже не происходило. Я находилась в квартире, которую выбрала сама. За окнами светило солнце. На столе стояли хризантемы в высоком стакане.

Я плакала минут десять.

Потом умылась, достала из коробки чайник и поставила воду.

После двух приехала Лида.

Я открыла дверь и сразу оказалась в крепких объятиях.

— Ну привет, — сказала она мне в волосы.

— Привет.

— Господи, Таська. Как же так?

Я только покачала головой.

Она обняла меня еще раз.

Потом отступила и внимательно посмотрела на лицо.

— Ты похудела.

— На два килограмма.

— Это мне не нравится.

— Мне тоже.

— Я привезла еду.

Лида подняла два пакета.

Я рассмеялась.

— Ты всегда приезжаешь с едой.

— Потому что знаю тебя. Сейчас скажешь, что у тебя все отлично, а сама третий день питаешься кофе.

— Неправда. Вчера ела пирог.

— Один?

— Два.

— Тогда я спокойна.

Мы прошли на кухню.

Лида разложила контейнеры, достала салат, хлеб и небольшую коробку пирожных.

Пока я искала вилки, она обошла квартиру.

— Нормально, — сказала она, вернувшись. — Светло. Метро близко. Ты сама выбирала?

— Сама.

— Молодец.

— Только не начинай меня хвалить за то, что я сняла квартиру.

— А я и не за квартиру.

Мы сели обедать.

Я рассказала ей о признании Леонида, о шести месяцах, о заявлении на развод.

Говорила медленно, иногда останавливалась, чтобы вспомнить точную фразу.

Лида почти не перебивала.

Когда я закончила, она долго смотрела на меня.

— Я не понимаю, как он мог, — сказала наконец.

— Я тоже.

— Я ведь его столько лет знаю.

— Вот именно.

Лида вздохнула.

— Он тебе хоть извинился?

Я задумалась.

Леонид говорил, что виноват. Говорил, что не хотел меня ранить, что ему тяжело, что он не собирался ставить меня в такое положение.

А простого «прости» я, кажется, так и не услышала.

— Не помню, — ответила я.

Лида подняла брови.

— Значит, вряд ли.

Я поковыряла вилкой салат.

— Иногда мне кажется, что я все делаю слишком быстро.

— Что именно?

— Развод. Переезд. Все.

— А как ты хочешь?

— Не знаю.

— Вот это уже честнее.

Я улыбнулась.

— Мне больно, Лид. И я до сих пор его люблю. Наверное.

Она кивнула.

— Конечно, любишь. Вы шестнадцать лет вместе прожили.

— Но возвращаться я не хочу.

— Одно другому не мешает.

Я несколько секунд смотрела на подругу.

— Звучит очень просто.

— Простого мало. Просто ты имеешь право скучать по человеку и одновременно не хотеть больше с ним жить.

Я отвела взгляд.

Мне не нужно было, чтобы Лида называла Леонида чудовищем. Я сама видела, что он сделал.

Мне нужно было услышать, что моя растерянность не означает ошибку.

После обеда мы разобрали посуду, расставили книги,

немного передвинули мебель.

Лида нашла в коробке старую театральную фотографию.

— Господи, смотри! — воскликнула она. — Это же наш выпускной спектакль.

Я подошла.

На фотографии мне было двадцать два. Я стояла в темном платье, с высоко поднятой головой. Рядом Лида, еще две однокурсницы и режиссер.

Все молодые, взъерошенные, с измученными, счастливыми лицами.

— Помнишь, как у меня лопнул шов на платье? — спросила Лида.

— Помню. Ты потом весь второй акт боком ходила.

— А ты смеялась за кулисами.

— Я пыталась не смеяться.

— Очень плохо пыталась.

Мы долго разглядывали фотографию.

Потом Лида спросила:

— Слушай, а тебе ведь правда понравилось на пробе?

Я кивнула.

— Очень.

— Даже когда Марта ругалась?

— Она не ругалась. Она была права.

— Вот. Ты уже опять такая, как раньше.

Я посмотрела на нее.

— Какая?

— Когда начинаешь говорить о работе. У тебя сразу глаза другие.

Я смутилась.

— Это просто проба.

— Да. Но тебе самой интересно. Ты последнее время все рассказывала про учеников, центр, какие-то бытовые дела. А тут тебя задело по-настоящему.

Я не ответила.

Лида поставила фотографию на полку.

— Не знаю, дадут тебе эту роль или нет. Но ты еще попробуй. Даже если сейчас не получится.

— Попробую.

И впервые мне не пришлось заставлять себя произнести это слово.

***

В воскресенье я проснулась от гудения холодильника.

Открыла глаза, несколько секунд прислушивалась и улыбнулась.

Свет падал на стену узкой полосой.

На полу стояли последние неразобранные коробки. Возле дивана лежала моя сумка. На столе — раскрытый ноутбук и толстая папка с рабочими материалами.

Я встала, сварила кофе, открыла окно.

Внизу женщина выгуливала маленькую собаку. Собака очень серьезно исследовала куст, а хозяйка терпеливо ждала.

Я вдруг поймала себя на том, что мне спокойно.

Не счастливо.

До счастья было далеко.

Но впервые за много дней я не проснулась с тяжелым ожиданием чужих слов.

Леонид не ходил по квартире.

Мне не нужно было прислушиваться к его шагам и угадывать настроение.

Я могла просто выпить кофе.

После завтрака разобрала вещи, составила список покупок и наметила занятия на следующую неделю.

Потом села за программу группового курса.

Почти час писала описание для взрослых участников.

Сначала получилось слишком официально.

«Повышение коммуникативной компетентности посредством освоения навыков...»

Я перечитала написанное и поморщилась.

Даже я не хотела бы записываться на такое занятие.

Удалила.

Попробовала проще.

«Шесть встреч для тех, кто хочет увереннее говорить перед людьми: на работе, на совещаниях, во время презентаций и сложных разговоров».

Вот это уже было ближе.

Я добавила информацию о формате, примерное количество участников и перечень тем.

Отправила черновик Кате из учебного центра с просьбой

показать руководителю перед нашей встречей.

Потом пошла в магазин за продуктами.

В очереди на кассе телефон завибрировал.

Письмо.

Адрес отправителя был студийный.

Я машинально отошла в сторону, пропуская следующего покупателя, и открыла сообщение.

«Уважаемая Таисия Андреевна!

Благодарим вас за участие в пробах проекта "До воскресенья".

Сообщаем, что по итогам отбора вы утверждены на роль Ольги.

В ближайшие дни мы направим вам договор, рабочие материалы и расписание общей читки...»

Я перестала читать.

Посмотрела на экран.

Потом прочитала письмо целиком.

Еще раз.

На роль Ольги.

Утверждена.

Я стояла возле кассы с пакетом молока и пачкой макарон в руках.

Продавец спросила:

— Девушка, вы оплачивать будете?

Я вздрогнула.

— Да, простите.

Расплатилась, вышла из магазина и остановилась у двери.

У меня дрожали руки.

Я позвонила Лиде.

Она ответила почти сразу.

— Ну?

— Меня взяли.

— Я знаю!

— Откуда?

— Мне Марта вчера сказала, что ты у них в финальном списке. Но я не хотела раньше времени.

— Лидка!

— Что?

— Меня взяли!

— Да поняла я! Поздравляю!

Я засмеялась.

Посреди улицы.

С пакетом продуктов в одной руке и телефоном в другой.

Лида тоже смеялась.

— Слушай, — сказала она, — только не начинай теперь думать, что роль маленькая и ничего особенного.

Я уже собиралась произнести именно это.

— Ты что, мысли читаешь?

— Твои? Легко.

— Спасибо тебе.

— Не за что. Я просто прислала объявление.

— Если бы ты не прислала...

— Тась, не надо. Тебя взяли после пробы, а не потому, что я тебя знаю.

Мы договорились встретиться на неделе.

Я убрала телефон и пошла домой.

По дороге купила себе маленький кусок шоколадного торта.

Просто потому, что захотела.

***

На следующий день мне прислали договор.

Гонорар был небольшим, но вполне приятным. Оплата предусматривалась за согласованные смены записи, с условиями дополнительных вызовов. Я внимательно прочитала документ, отметила вопросы и связалась с координатором.

Выяснилось, что подписать бумаги можно в студии после проверки данных.

Я согласовала время между занятиями.

В этот раз приехала не на пробу, а как утвержденная исполнительница.

Разница оказалась удивительной.

Я по-прежнему волновалась. Но теперь имела конкретную задачу: проверить договор, подписать документы, получить расписание.

На ресепшене меня узнали.

— Вы к координатору?

— Да.

— Поднимайтесь. Вам уже все подготовили.

Я прошла по знакомому коридору.

После подписания документов мне выдали распечатанные материалы для общей читки.

— Режиссер просила заранее посмотреть третью и пятую сцены, — сказала координатор. — Там у вас основные диалоги с Павлом.

— Хорошо.

— И если по времени что-то изменится, сообщите заранее. У нас несколько приглашенных актеров, расписание плотное.

— Конечно.

Я убрала документы в папку.

Когда вышла в коридор, телефон зазвонил.

Это была Катя из учебного центра.

— Таисия Андреевна, вы сегодня сможете подойти на десять минут к руководителю?

— Сегодня у меня занятия до семи.

— Тогда на следующей неделе утром?

— Давайте. Только напишите заранее, в какой день.

Мы договорились, что Катя уточнит время.

Я убрала телефон в сумку, повернулась и едва не столкнулась с мужчиной, выходившим из соседней студии.

Он успел остановиться, но я задела его локтем.

Папка раскрылась.

Несколько листов выскользнули и медленно разлетелись по полу.

— Простите, — сказала я.

— Ничего страшного.

Мы одновременно наклонились за бумагами.

Я потянулась к одному листу, он к другому. Наши руки почти встретились, и я поспешно отодвинула свою.

— Сегодня у меня явно не лучший день для переноски документов, — пробормотала я.

— По-моему, документы сами старались уйти.

Я подняла глаза.

Голос.

Я знала этот голос.

Не просто низкий, приятный, с небольшой хрипотцой. Совершенно конкретный голос, который слышала много раз.

В кино, в сериалах, в одном радиоспектакле, который слушала по дороге на работу.

Я выпрямилась.

Передо мной стоял высокий, широкоплечий мужчина лет сорока пяти. Темные волосы с заметной сединой у висков, простая серая футболка под расстегнутой курткой, джинсы. На плече висела большая черная сумка.

Он выглядел усталым.

Под глазами залегли тени, а на правой руке, которой он держал листы, виднелась небольшая царапина.

Ничего похожего на торжественный выход известного актера.

Обычный мужчина в коридоре студии.

Но когда он снова заговорил, я окончательно убедилась.

— Это ваше? — спросил он, протягивая мне страницы.

Я взяла их.

— Да, спасибо.

Он посмотрел на верхний лист.

— «До воскресенья»?

— Да.

— Ольга?

Я удивилась.

— Откуда вы знаете?

— У нас там несколько общих сцен.

Он слегка улыбнулся.

— Ренат Сомов.

Конечно.

Я даже рассердилась на себя.

Ренат Сомов. Актер, чей голос я знала задолго до сегодняшней встречи. Я слышала его в десятках работ, но вживую никогда не видела.

Он не протянул руку, потому что в одной держал стакан с остатками чая, а другой придерживал сумку.

Я тоже была занята папкой.

Получилось почти смешно.

— Таисия Кленова, — представилась я.

— Знаю. Видел список.

— Значит, вы играете Павла?

— Пытаюсь.

Я невольно улыбнулась.

— По тексту он непростой человек.

— Зато разговорчивый. Это приятно после сегодняшней смены.

— А что вы сегодня записывали?

— Человека, который большую часть фильма бегает, падает и тяжело дышит.

Я рассмеялась.

— И за это платят?

— Представьте себе. Правда, к концу смены начинаешь сомневаться, что достаточно.

Он говорил совершенно спокойно, без стремления произвести впечатление.

Я заметила, что он несколько раз чуть размял пальцы правой руки, словно те устали держать что-то тяжелое.

— Вы только подписали договор? — спросил он.

— Да.

— Поздравляю.

— Спасибо.

— С Мартой уже познакомились?

— На пробе.

— Тогда знаете, что она любит, когда актер приходит с подготовленным текстом.

— Я уже успела убедиться.

— Значит, нам будет легче.

Я посмотрела на него.

— Нам?

— Ну да. У Павла с Ольгой две большие сцены. Если оба будем знать, о чем говорим, режиссеру не придется вытаскивать каждую реплику клещами.

— А если один не будет?

Он задумался.

— Тогда второй начнет раздражаться.

— И что?

— А потом Марта раздражится на обоих.

Я снова засмеялась.

Разговор был коротким, почти пустяковым. Но мне стало удивительно легко.

С Ренатом не нужно было изображать человека, который совершенно уверен в себе.

Он сам стоял в коридоре с уставшим лицом и шутил о тяжелой смене.

Из соседней комнаты вышел молодой мужчина в наушниках.

— Ренат, там тебя Игорь просил на минуту вернуться.

Ренат обернулся.

— Что-то забыли?

— Кажется, одну реплику. Он сейчас проверит.

— Понял.

Он посмотрел на меня.

— Мне пора. До читки, Таисия.

— До встречи.

Он уже сделал шаг, потом остановился.

— И папку лучше закрывайте. У нас тут сквозняк.

Я посмотрела на разошедшиеся уголки документов.

— Спасибо за профессиональный совет.

— Всегда пожалуйста.

Он улыбнулся и ушел в студию.

Я осталась в коридоре.

За дверью раздался его голос — теперь гораздо громче, выразительнее, словно он снова стал человеком из фильма.

А через несколько секунд тот же голос совершенно обычно спросил:

— Игорь, можно воды?

Я неожиданно улыбнулась.

Он звучал по-разному.

В кино — уверенно, глубоко, иногда почти пугающе.

В коридоре — спокойно, с легкой усталостью.

И мне вдруг стало любопытно, каким голосом он разговаривает дома.

Я поймала себя на этой мысли и покачала головой.

Господи, Тая.

Тебя только что утвердили на первую актерскую роль за много лет. Ты подписала договор, получила текст, договорилась о рабочем графике.

А ты стоишь посреди студии и думаешь о том, как незнакомый мужчина разговаривает дома.

Я поправила папку и пошла к выходу.

***

В метро я открыла материалы.

Ольга и Павел встречались в третьем эпизоде после долгой разлуки.

Он вернулся в город по семейным обстоятельствам. Она не видела его несколько лет и не знала, собирается ли он оставаться.

Их первая общая сцена начиналась с простого разговора в библиотеке.

Я прочитала ее, потом перечитала еще раз.

Раньше мне было трудно представить, как будет звучать ответ Павла.

Теперь я невольно слышала голос Рената.

Не тот, из кино.

Усталый голос мужчины, который собирал мои листы с пола и шутил про сквозняк.

Мне стало интересно, как мы будем работать вместе.

Сумею ли я не растеряться перед ним? Сможет ли он отвечать на мои реплики так, как этого требует сцена? Придется ли Марте снова объяснять мне, что я слишком стараюсь красиво говорить?

Я открыла календарь.

На следующую неделю уже были внесены занятия, встреча с руководителем учебного центра, несколько необходимых бытовых дел.

Теперь добавилась общая читка.

Я проверила время и написала координатору, что смогу присутствовать.

Вечером, когда дома наконец разобрала последнюю коробку, пришло окончательное расписание.

Я открыла файл.

В списке исполнителей напротив Ольги значилась моя фамилия.

Кленова Таисия.

Я провела пальцем по экрану.

Всего две строки под названием проекта, но мне захотелось их сфотографировать.

Ниже была роль Павла.

Сомов Ренат.

Я вспомнила его улыбку.

В том, как он помог собрать документы, не было ничего особенного. Любой вежливый человек сделал бы то же самое.

И все-таки я почему-то хорошо помнила его лицо.

Не киношное, не загадочное.

Просто живое.

Я закрыла расписание, поставила телефон на зарядку и пошла умываться.

В ванной над раковиной висело небольшое зеркало. Я посмотрела на себя, убрала волосы за уши.

Неделю назад я не представляла, где буду жить и чем займусь после развода.

Теперь у меня была квартира, работа, новая маленькая роль и предстоящая читка с человеком, которого я раньше знала только по голосу.

Я все еще скучала по Леониду.

Иногда так сильно, что приходилось останавливаться посреди комнаты и пережидать приступ тоски.

Но сегодня вечером мне впервые за долгое время хотелось, чтобы следующий день наступил поскорее.

Не ради встречи с мужем.

Не ради объяснений.

У меня появились собственные дела.

И, кажется, среди них начиналось что-то очень интересное.

Глава 3. По другую сторону стекла

В понедельник утром я проснулась от звонка телефона.

— Таисия Андреевна? — раздался незнакомый женский голос.

Я с трудом разлепила глаза.

— Да, слушаю.

— Это Елена, координатор студии «Третий этаж». Хотела уточнить, вы получили окончательное расписание читки?

— Получила.

— Сегодня начало в одиннадцать. Сможете приехать немного раньше? Марта хочет до общей встречи пройти несколько организационных вопросов с исполнителями.

Я приподнялась на локте и посмотрела на часы.

Восемь семнадцать.

— Конечно. К десяти сорока подойдет?

— Отлично. Спасибо.

Она отключилась.

Я положила телефон на подушку и некоторое время смотрела в потолок.

Сегодня мне предстояла первая общая читка.

Не проба, не короткий отрывок перед режиссером, а встреча с людьми, которые уже получили свои роли и должны были начать работать над спектаклем.

Я перевернулась на бок.

На тумбочке лежала распечатка третьего эпизода. Вчера вечером я читала ее до половины первого, делала пометки и спорила сама с собой о том, почему Ольга так странно разговаривает с Павлом.

В какой-то момент мне даже пришлось встать и походить по комнате, представляя, где она стоит и на кого смотрит.

Я не занималась подобным много лет.

И получила от этого такое удовольствие, что совершенно забыла поужинать.

Теперь желудок настойчиво напоминал о себе.

Я встала, надела халат и отправилась на кухню.

Холодильник гудел с таким усердием, будто в одиночку охлаждал весь дом. Я открыла его, достала яйца и помидоры, поставила сковороду на плиту.

Пока готовился завтрак, проверила сообщения.

От Леонида ничего не было.

Последний раз мы разговаривали в субботу, когда я переезжала. Потом он прислал фотографию забытого мной настольного светильника и спросил, нужен ли он.

Я ответила, что заберу позже.

Он написал: «Хорошо».

Вот и все.

Раньше мы переписывались каждый день. Даже когда Леонид был занят, от него обязательно приходило что-нибудь короткое: вопрос о моих делах, просьба купить продукты, фотография из поездки.

Теперь телефон молчал.

Я поймала себя на том, что постоянно проверяю экран, и рассердилась.

Положила его лицом вниз.

Яичница едва не подгорела.

— Прекрасное начало дня, — сообщила я пустой кухне.

Пришлось выключить плиту и быстро переложить завтрак на тарелку.

За окном шел мелкий дождь.

Я села за стол, открыла текст и начала читать, пока ела.

Ольга встретила Павла после нескольких лет разлуки. Когда-то они были близки, но отношения закончились без красивой последней сцены. Он уехал, она осталась, у каждого сложилась своя жизнь.

Теперь Павел возвращался в город по семейным обстоятельствам.

Мне нравилось, что автор не делал его ни героем, ни злодеем. Он мог быть добрым человеком и при этом поступить с Ольгой плохо.

Впрочем, сама Ольга тоже не была безупречной. В одной сцене она довольно жестоко высмеивала его попытку объясниться.

Я несколько раз перечитала этот разговор.

«Мне не нужно, чтобы ты объяснял, почему тогда уехал. Я хочу понять, почему ты сейчас пришел».

Вот эта реплика меня зацепила.

В ней было столько всего, что я не могла выбрать, с чего начинать.

Обида? Интерес? Желание снова его увидеть?

Я взяла карандаш и подчеркнула последнее предложение.

Потом написала на полях: «Она ведь могла не открывать дверь».

Посмотрела на часы.

Девять десять.

Если я продолжу размышлять, на собственную читку приеду с опозданием.

Я закрыла папку и пошла собираться.

***

В студию я приехала в десять тридцать восемь.

В коридоре уже сидели несколько актеров. Кто-то разговаривал, кто-то пил кофе, двое мужчин обсуждали футбольный матч.

Я узнала женщину, которую видела на пробах, но не была уверена, что мы знакомились.

Она заметила мой взгляд и улыбнулась.

— Доброе утро.

— Доброе.

— Вы тоже на «До воскресенья»?

— Да. Таисия Кленова.

— Анна Белова. Я играю Ирину.

Мы пожали руки.

Анне было около сорока. Короткие светлые волосы, яркая

помада, удобные брюки. Она держала большой стакан кофе и выглядела совершенно спокойной.

— Вы раньше у Марты работали? — спросила она.

— Нет. Первый раз.

— А я третий. Хороший режиссер. Только с ней нельзя приходить после бессонной ночи и надеяться, что никто не заметит.

— Спасибо за предупреждение.

— Да не за что. Вы давно в записи?

Я усмехнулась.

— Можно сказать, возвращаюсь после большого перерыва.

— А до этого где работали?

Я коротко рассказала о театре, переездах и преподавании.

Анна слушала внимательно.

— Сценическая речь? Тогда ясно, почему вас взяли. У нас на прошлой записи половину времени потратили на человека, который упорно не мог произнести фамилию собственного персонажа.

— Может, фамилия была сложная?

— Котов.

Я рассмеялась.

Из соседней двери выглянул молодой мужчина с наушниками на шее.

— Коллеги, проходите, пожалуйста. Марта уже здесь.

Я поднялась.

В большой комнате стоял длинный стол. На нем лежали сценарии, бутылки воды, карандаши. У дальней стены находилась стойка с монитором, а через широкое стекло была видна соседняя студия.

За пультом сидел знакомый мне звукорежиссер.

Тот самый, который улыбнулся во время моей пробы.

Я вспомнила, что его зовут Игорь.

Марта Брагина стояла возле окна и разговаривала с мужчиной в темной рубашке.

На столе перед ней лежал сценарий, испещренный пометками.

— Доброе утро, — сказала она, когда мы вошли. — Садитесь, куда удобно. Сейчас остальные подойдут.

Я выбрала место ближе к середине стола.

Положила папку, достала карандаш.

Анна села рядом.

— Совет, — негромко сказала она. — Если Марта попросит что-то поменять, не начинайте объяснять, почему сделали иначе. Сначала попробуйте.

— Я уже знаю.

— Отлично. Значит, выживете.

Мы улыбнулись друг другу.

Дверь снова открылась.

— Простите, можно еще одного выжившего? — раздался знакомый голос.

Я подняла голову.

Ренат Сомов вошел с большим бумажным стаканом в руке.

Сегодня он был в темных джинсах и черной рубашке с закатанными рукавами. Волосы выглядели немного растрепанными, словно он несколько раз проводил по ним рукой.

— Сомов, — сказала Марта. — Ты хотя бы сегодня выспался?

— Почти.

— Это сколько?

— Четыре часа.

— Замечательно. Поставлю тебе на пятницу еще одну смену.

— А ты умеешь мотивировать.

Несколько человек засмеялись.

Ренат поставил стакан на стол, поздоровался с коллегами.

Когда его взгляд остановился на мне, он слегка улыбнулся.

— Таисия.

— Доброе утро.

— Папка на месте?

Я не сразу поняла.

Потом вспомнила наши разлетевшиеся по коридору документы.

— Сегодня даже застегнула.

— Отлично. Значит, репетиция пройдет спокойно.

Он сел напротив, оставив между нами длинный стол.

Я открыла сценарий.

Почему-то мне стало немного теплее.

Не от того, что Ренат обратил на меня внимание. Он здоровался со всеми и явно знал большинство присутствующих.

Просто наша короткая встреча в коридоре перестала казаться случайностью, которую только я запомнила.

Он тоже помнил.

***

Когда собрались все исполнители, Марта встала во главе стола.

— Итак, у нас шесть эпизодов. Сегодня читаем основные сцены, разбираем отношения персонажей и проверяем, где текст требует исправлений. Окончательный рисунок ролей будем искать на записи.

Она открыла папку.

— Хочу сразу предупредить. Это разговорная история. Здесь почти нет длинных монологов, которыми можно блеснуть отдельно от партнера. Если человек красиво произнесет свою реплику, но не услышит ответ, сцены не получится.

Я почувствовала неприятное покалывание между лопатками.

Слишком хорошо помнила собственную пробу.

Марта продолжила:

— И еще. Не нужно делать каждого персонажа загадочным. Люди здесь в основном говорят то, что говорят. Если в тексте написано «Ты купил хлеб?», это, скорее всего, вопрос о хлебе, а не намек на двадцать лет подавленных чувств.

Ренат поднял руку.

— А если хлеб символизирует утраченные возможности?

— Тогда ты его купишь и перестанешь мешать работе.

По комнате прокатился смех.

Я тоже засмеялась, но тут же опустила глаза в сценарий.

Марта быстро распределила сцены.

Первые сорок минут я в основном слушала.

Анна читала Ирину — женщину, которая пыталась сохранить семейное кафе. Мужчина справа от меня исполнял ее брата. Еще двое актеров разбирали спор из-за старого дома.

Текст постепенно оживал.

Там, где на бумаге были обычные слова, вдруг возникали раздражение, обида, смешные недоразумения.

Иногда Марта останавливала сцену и просила изменить одну интонацию.

Иногда говорила:

— Хорошо. Дальше.

Я слушала, отмечала места, где появлялись мои реплики, и старалась не думать, что скоро придется читать самой.

Наконец Марта перевернула страницу.

— Третья сцена. Библиотека. Ольга и Павел.

Я выпрямилась.

Ренат отпил кофе, открыл нужный лист.

— Начнем с момента, когда Павел приходит за документами, — сказала Марта. — Таисия, не торопитесь. Ренат, ты входишь в разговор как человек, которому неудобно просить

о встрече, но он уже решился.

Мы кивнули.

Я нашла первую реплику.

В комнате стало тихо.

— Библиотека закрывается через десять минут, — произнесла я.

— Я успею, — ответил Ренат.

И я едва не забыла, что должна говорить дальше.

Его голос совершенно изменился.

В коридоре он звучал лениво, с легкой насмешкой. Сейчас в нескольких словах появилась осторожность, которой не было в ремарке.

Я подняла глаза.

Ренат смотрел на меня поверх сценария.

Не на бумагу.

На меня.

Я опустила взгляд и прочитала:

— Если вам нужны документы из архива, придется прийти завтра.

— Мне нужна Ольга.

— Вы ее нашли.

— Я вижу.

— Тогда говорите.

Текст был простой.

Но я снова начала следить за тем, чтобы каждая реплика звучала правильно.

На третьем обмене Марта остановила нас.

— Таисия, вы отлично держите форму. Теперь попробуем добавить человека.

Я почувствовала, как у меня горят уши.

— Хорошо.

— Не обижайтесь. У вас сильная профессиональная привычка. Вы знаете, как должна звучать речь, и начинаете все контролировать. А Ольга сейчас вообще не думает о дикции.

— Поняла.

— Давайте с того места, где он говорит, что пришел ее увидеть.

Ренат немного отложил сценарий.

— Я пришел, потому что хотел тебя увидеть.

Я посмотрела на него.

На секунду его лицо показалось чужим.

Не Ренат Сомов, которого я встретила с бумажным стаканом кофе, а мужчина, который действительно пришел к женщине после долгой разлуки и не знает, выгонят ли его.

Я ответила:

— Тогда зачем ты стоишь у двери?

Он чуть улыбнулся.

— Не знаю, можно ли мне войти.

— Я тоже не знаю.

Марта подняла руку.

— Стоп. Вот уже ближе. Но теперь вопрос: чего она хочет?

Я задумалась.

— Чтобы он остался.

— Тогда почему вы произносите последнюю фразу так, будто уже закрыли дверь?

Я опустила глаза.

— Потому что она боится.

— Боится — это понятно. Но страх не обязательно делает человека холодным.

Ренат неожиданно вмешался:

— Мне кажется, она вообще хочет, чтобы он ушел. И злится, что он заставляет ее произнести это вслух.

Я повернулась к нему.

— Нет.

Он поднял брови.

— Нет?

Я смутилась от собственной резкости.

— То есть я думаю иначе.

Марта посмотрела на нас с интересом.

— Продолжайте.

Я нашла в сценарии нужное место.

— Если бы Ольга хотела его выгнать, она могла бы сделать это сразу. Он пришел без предупреждения, стоит у двери. Она знает, кто он, и понимает, что ему нужно поговорить. Но продолжает задавать вопросы.

Ренат склонил голову.

— Может, потому что хочет услышать, зачем он вернулся?

— Да. Но не только. Она несколько лет не видела этого человека. И все эти годы у нее оставались вопросы, которые она не могла задать. Теперь он здесь, и она не знает, что делать.

— А откуда мы знаем, что она все еще хочет быть с ним?

— Не знаем.

Ренат слегка улыбнулся.

— Тогда почему ты уверена, что хочет впустить?

Я посмотрела на текст.

— Потому что она уже впустила его в разговор.

Некоторое время он молчал.

Потом перевел взгляд на Марту.

— В этом есть смысл.

Марта кивнула.

— Есть. Давайте проверим. Таисия, попробуйте так, как чувствуете. Только не объясняйте зрителю, что у Ольги внутри. Просто поговорите с Павлом.

Я выдохнула.

Ренат вернулся к началу.

— Я пришел, потому что хотел тебя увидеть.

Я посмотрела ему в глаза.

Вдруг мне стало интересно, что он скажет дальше.

Я знала текст. Знала каждую реплику.

Но сейчас почему-то хотелось услышать именно его ответ.

— Тогда зачем ты стоишь у двери?

Он немного опустил голову.

— Не знаю, можно ли мне войти.

Я не спешила.

Не пыталась выдержать красивую паузу.

Просто смотрела на него.

— Я тоже не знаю.

Ренат чуть подался вперед.

— Может, попробуем выяснить?

По сценарию такой реплики не было.

Я растерялась на долю секунды.

Потом, прежде чем успела подумать, ответила:

— Если вытерешь ноги, можешь попробовать.

Анна рядом со мной тихо рассмеялась.

Я сама едва удержалась от улыбки.

Марта подняла ладонь.

— Вот. Стоп.

Я повернулась к ней.

— Простите, я добавила...

— Я слышала. Не надо извиняться. Возьмем этот вариант как основу. Только последнее предложение из текста оставим, а вашу реакцию сохраним. Она не устраивает ему допрос. Она хочет, чтобы он вошел, и одновременно сердится на себя за это.

Ренат посмотрел на меня.

— Согласен. С такою Ольгой интереснее разговаривать.

Я кивнула.

Меня вдруг отпустило.

Не полностью. Перед большой группой я все еще чувствовала себя неуверенно.

Но впервые за долгое время мне удалось не просто правильно исполнить задачу.

Я предложила свое решение.

И его приняли.

***

После первой части читки объявили двадцатиминутный перерыв.

Я вышла в коридор с бутылкой воды.

Нужно было немного побыть одной.

За стеклянной дверью находился небольшой внутренний двор. Там стояли две скамейки, несколько больших горшков с растениями и металлическая пепельница.

Я вышла на улицу.

Дождь уже закончился. Воздух был прохладным и свежим.

Я села на скамейку, открыла бутылку и сделала несколько глотков.

В кармане завибрировал телефон.

Леонид.

«Привет. Нашел еще коробку твоих вещей в шкафу. Когда заберешь?»

Я посмотрела на сообщение.

Обычно в такое время он работал. Я невольно представила его за столом, в кабинете, с телефоном в руке.

Написала:

«В пятницу после занятий. Буду около шести, если удобно».

Ответ пришел через минуту.

«Я буду дома».

Я задумалась.

Мне не хотелось оставаться с ним наедине надолго.

Не потому, что боялась.

Просто каждый разговор сейчас отнимал слишком много сил.

«Я быстро. Только заберу вещи».

Он написал:

«Тая, не обязательно каждый раз предупреждать, что быстро. Ты не чужая».

Я медленно выдохнула.

Потом убрала телефон, так и не ответив.

— Здесь занято?

Я подняла голову.

Ренат стоял у двери со стаканом кофе.

— Нет.

Он сел на другой конец скамейки.

Несколько секунд мы молчали.

— Ты меня удивила, — сказал он.

Я повернулась.

— Чем?

— Тем, что спорила.

— Это плохо?

— Наоборот. Обычно актеры, которые давно не записывались, стараются со всеми соглашаться.

— Я и сама чуть не согласилась.

— Заметил.

Я покачала головой.

— Спасибо за деликатность.

Он улыбнулся.

— А зачем ты вообще на это согласилась? На роль, я имею в виду.

— Хотела попробовать.

— После перерыва?

Я кивнула.

— Я много лет не играла. Преподавала сценическую речь.

— И сейчас преподаешь?

— Да.

— Интересная работа.

Я немного удивилась.

Обычно после слов о преподавании люди спрашивали, трудно ли научиться говорить красиво, и просили оценить собственную дикцию.

— Смотря с кем работать, — ответила я.

— А с кем трудно?

— С теми, кто уверен, что у него все прекрасно.

Ренат рассмеялся.

— То есть с актерами?

— Иногда.

— Тогда у тебя довольно тяжелая профессия.

Я улыбнулась.

Он отпил кофе и спросил:

— А взрослые ученики зачем приходят? У них проблемы с произношением?

— Не обязательно. Чаще боятся выступать перед людьми. Кто-то говорит слишком быстро, кто-то теряется, когда задают вопросы. Некоторые вообще уверены, что не умеют связать двух слов.

— И что ты с ними делаешь?

— Сначала выясняю, что именно мешает. Потом постепенно учимся.

— Звучит просто.

— На словах многое звучит просто.

Ренат кивнул.

— Это я знаю.

Я посмотрела на него.

— А ты всегда хотел работать с голосом?

— Нет. Сначала хотел играть в театре.

— И что случилось?

— Играл. Потом один знакомый позвал на пробу в студию. Сначала были эпизоды, потом роли побольше. Так и втянулся.

— А театр?

— Иногда возвращаюсь. Сейчас вот осенью снова едем с

камерным спектаклем.

— На гастроли?

— Да. Почти на пять недель. Несколько городов подряд.

— Давно договорились?

— Еще весной. Мы эту постановку уже играли, теперь решили повторить тур.

Он говорил о работе спокойно, без попыток сделать ее более впечатляющей.

Я заметила, что он держит стакан двумя руками.

— А ты сам любишь гастроли? — спросила я.

— Когда все идет по плану.

— А если нет?

— Тогда тоже приходится любить. Контракт подписан.

Я засмеялась.

Ренат посмотрел на меня.

— Ты давно преподаешь?

— Почти пятнадцать лет. С перерывами на переезды. Последние семь — постоянно в одном центре.

— И за это время решила снова играть?

— Не сразу.

Я задумалась.

Как объяснить человеку, которого едва знаешь, что иногда годами не замечаешь, насколько сузилась собственная жизнь?

— Мне всегда нравилось преподавать, — сказала я. — И нравится до сих пор. Но когда я увидела объявление о про-

бе, поняла, что давно хочу вернуться хотя бы к небольшим ролям.

— Почему не возвращалась?

— Были причины.

Он не стал спрашивать сразу.

Я посмотрела на свои руки.

На безымянном пальце все еще виднелась светлая полоска от кольца.

Ренат тоже посмотрел на мои руки. Я сидела совсем рядом и вертела бутылку.

— Я сейчас заканчиваю брак, — сказала я.

Слова прозвучали неожиданно просто.

Он повернул ко мне голову.

— Понятно.

Я ждала следующего вопроса.

Обычно после подобных признаний люди хотели узнать подробности. Кто виноват? Давно ли решили? Есть ли дети? Почему именно сейчас?

Ренат лишь спросил:

— Тяжело?

Я посмотрела на него.

— Да.

Он кивнул.

— Тогда хорошо, что у тебя появилась работа, которая тебе интересна.

От этого короткого ответа мне стало почему-то легче.

Никто не пытался объяснить, что развод к лучшему. Не говорил, что все наладится или что мужчины вообще не стоят таких переживаний.

Просто признал, что мне тяжело.

— Спасибо, — сказала я.

— За что?

— За то, что не спрашиваешь лишнего.

Ренат чуть усмехнулся.

— Если захочешь рассказать, расскажешь.

Я снова сделала глоток воды.

Некоторое время мы сидели молча.

Потом он спросил:

— А ты когда-нибудь работала с людьми, которые боятся выступать, но очень любят говорить?

— Конечно.

— И что с ними делаешь?

— Стараюсь научить слушать других.

— Опасный навык. Не все выдержат.

Я повернулась к нему.

— Ты сейчас о ком-то конкретном?

— О себе, разумеется.

Я рассмеялась.

Из двери выглянула Анна.

— Ребята, вас уже зовут!

Ренат поднялся.

— Идем.

Я встала следом.

У входа он придержал дверь, пропуская меня вперед.

Самый обычный жест.

Но я вдруг вспомнила, как давно со мной никто не разговаривал о моей работе с таким простым интересом.

И почему-то захотелось, чтобы наш перерыв продлился еще немного.

***

Во второй половине читки мы разбирали пятый эпизод.

Там Ольга и Павел впервые ссорились по-настоящему.

Не из-за прошлого, а из-за настоящего.

Павел считал, что может решить чужую проблему, если предложит деньги и знакомых. Ольга пыталась объяснить, что ей нужно совсем другое.

Я читала текст и ловила себя на неприятном сходстве.

Не с самим спектаклем.

С тем, как разговаривала с Леонидом последние годы.

Он часто предлагал готовое решение раньше, чем я успевала объяснить, чего хочу.

Я привыкла благодарить.

Даже когда решение мне не подходило.

В сцене Ольга говорила:

— Ты меня вообще слышишь?

Павел отвечал:

— Я же пытаюсь помочь.

Ольга:

— А я не прошу тебя решать за меня.

Я остановилась на секунду.

Реплика была короткая.

Но произнести ее оказалось сложнее, чем я ожидала.

— Таисия, — сказала Марта. — Все хорошо?

Я кивнула.

— Да. Простите.

— Давайте с начала обмена.

Ренат поднял взгляд.

Мы начали снова.

На этот раз я не пыталась скрыть раздражение Ольги.

— Ты меня вообще слышишь?

— Я же пытаюсь помочь.

— А я не прошу тебя решать за меня.

Он выдержал короткую паузу.

— Тогда скажи, что тебе нужно.

Я посмотрела на него.

— Чтобы ты хотя бы раз спросил, прежде чем что-то делать.

Марта не остановила.

Мы дошли до конца сцены.

Когда последние реплики стихли, несколько человек за столом молчали.

Потом Марта сказала:

— Вот теперь оба разговаривают по-настоящему. Запомните этот темп.

Ренат посмотрел на меня и едва заметно кивнул.

Я опустила глаза.

Не хотелось, чтобы кто-нибудь заметил, насколько близко я приняла этот разговор.

На столе лежал обычный сценарий.

Вокруг сидели коллеги.

Никто не знал, что неделю назад я собирала вещи, потому что мой муж признался в измене.

Никто не видел меня ночью на полу с коробкой старых книг.

А сейчас я сидела за столом и произносила слова женщины, которая наконец решилась сказать, чего хочет.

Все это было странным.

И немного пугающим.

***

Читка закончилась около половины пятого.

Марта попросила всех задержаться на несколько минут, чтобы уточнить график.

Она назвала даты основных смен. Сцены распределили по дням с учетом занятости актеров.

Я проверила свое расписание.

Первая большая смена выпадала на понедельник. В этот день у меня было два занятия, которые можно перенести на утро.

— Таисия, вам подойдет? — спросила координатор.

— Да, если начало после двенадцати.

— В час.

— Отлично.

Ренат стоял рядом, просматривая собственный график.

— У нас с тобой три часа подряд, — заметил он.

Я посмотрела на лист.

— Вижу.

— Не пугайся. Марта обычно отпускает вовремя.

— А если нет?

— Тогда Игорь начинает смотреть на часы. Это действует лучше любых просьб.

Из-за стола раздался голос звукорежиссера:

— Я все слышу.

Ренат даже не обернулся.

— На это и рассчитывал.

Игорь засмеялся.

Марта подняла голову.

— Сомов, если у тебя осталось столько сил на разговоры, могу добавить сцену.

— Все. Молчу.

Я спрятала улыбку.

Когда мы вышли в коридор, рядом с Ренатом остановился мужчина из актерского состава.

Они заговорили о другой записи.

Я не стала мешать и отошла к окну.

Проверила телефон.

Три сообщения от учеников, одно от Кати и два от Лиды.

Катя написала, что руководитель учебного центра готова обсудить мой курс завтра в десять.

Я ответила согласием.

Лида интересовалась, как прошла читка.

Я набрала:

«Жива. Даже спорила с режиссером».

Потом стерла.

Нет, с режиссером я не спорила.

С актером.

Причем довольно уверенно.

Я написала:

«Все хорошо. Очень интересно. Расскажу вечером».

Отправила и убрала телефон.

— Ты всегда так серьезно относишься к сообщениям?

Я обернулась.

Ренат стоял рядом.

— В каком смысле?

— Ты минуту смотрела в экран с таким лицом, будто решала, кому достанется наследство.

— Я пыталась ответить подруге.

— И кто победил?

— Подруга. Я ей все-таки написала.

Он улыбнулся.

— Уже неплохо.

Мы вместе направились к лестнице.

— Ты сегодня хорошо разобрала Ольгу, — сказал Ренат.

Я удивилась.

— Правда?

— Да. Я сначала видел ее совсем другой.

— Более злой?

— Более закрытой. Мне казалось, что она не хочет иметь с Павлом ничего общего.

— А теперь?

Он подумал.

— Теперь кажется, что она очень хочет с ним поговорить, только боится, что ничего хорошего из этого не выйдет.

— Вот.

— Что «вот»?

— Именно это я и пыталась объяснить.

Он посмотрел на меня и засмеялся.

— Ты радуешься победе?

— Немного.

— И правильно.

Мы спустились на первый этаж.

У двери Ренат остановился.

— Слушай, а у тебя есть какие-нибудь материалы по работе с волнением?

Я подняла брови.

— Для кого?

— Для меня.

— Ты серьезно?

— Вполне.

Я посмотрела на него.

— Ты же профессиональный актер.

— И что?

— Обычно у вас с волнением все довольно неплохо.

— На сцене — да. А вот перед некоторыми встречами я иногда веду себя как школьник.

Он сказал это без особого выражения, будто просто сообщил факт.

Мне стало интересно.

— Какими встречами?

Ренат чуть улыбнулся.

— Вот видишь. Стоило признаться, и сразу начался допрос.

Я рассмеялась.

— Извини. Профессиональная привычка.

— Значит, материалами не поделишься?

— Поделюсь. Только сначала нужно понять, в чем именно проблема.

— Вот это уже звучит опасно.

— Зато эффективно.

Он посмотрел на часы.

— Ладно, мне пора. Но я запомню.

— А я могу прислать пару упражнений. Они простые.

— Хорошо.

Мы вышли во двор.

Ветер поднял с асфальта несколько сухих листьев. Возле

ворот курил мужчина в рабочей куртке, рядом с ним стояла девушка с бумажным стаканом чая.

Ренат остановился у ступеней.

— Ты куда сейчас?

— В метро. Мне еще домой нужно и кое-что по работе подготовить.

— Далеко живешь?

Я назвала район.

Он кивнул.

— Удобно.

— До работы да.

— А до студии?

— Чуть больше сорока минут.

— Терпимо.

Мы еще несколько секунд стояли рядом.

Я уже собиралась попрощаться, когда он сказал:

— Давай обменяемся номерами. На случай, если перед записью понадобится обсудить сцену.

Я посмотрела на него.

Предложение было совершенно разумным.

Мы действительно играли общие сцены. Нужно было согласовывать рабочие моменты, при необходимости обмениваться замечаниями.

Но почему-то я почувствовала себя немного неловко.

— Давай, — ответила я.

Ренат достал телефон.

Я продиктовала номер.

Через секунду мой аппарат завибрировал.

На экране высветилось незнакомое сообщение.

«Ренат. Это проверка связи».

Я улыбнулась.

— Связь работает.

— Отлично. Теперь можно не беспокоиться за техническую часть спектакля.

Я сохранила контакт.

Ренат Сомов.

Без должности и пояснений.

Просто имя и фамилия.

— Тогда до встречи, Таисия.

— До встречи.

Он ушел в сторону парковки.

Я еще несколько секунд стояла у дверей студии.

Потом направилась к метро.

По дороге достала телефон и открыла новое сообщение.

Ничего особенного.

Два коротких предложения.

Я почему-то улыбнулась еще раз.

***

На следующий день я пришла в учебный центр раньше обычного.

Катя встретила меня возле стойки администратора.

— Таисия Андреевна, руководитель будет через десять

минут. Хотите кофе?

— С удовольствием.

Она налила мне из кофемашины маленький капучино и положила рядом печенье.

— Я посмотрела вашу программу, — сказала Катя. — Мне понравилось.

— Спасибо.

— Особенно про сложные вопросы после выступления. Я бы сама на такое пошла.

— Приходи.

— А сотрудников со скидкой берете?

Я улыбнулась.

— Если договоримся с руководством, обязательно обсудим.

Катя засмеялась.

Через несколько минут нас пригласили в кабинет.

Руководителя учебного центра звали Светлана Павловна. Ей было около пятидесяти, она носила короткую стрижку и почти всегда разговаривала быстро, словно мысленно уже переходила к следующему делу.

Мы знали друг друга семь лет.

Она принимала меня на работу, когда я только переехала в Москву, и не раз помогала согласовать расписание.

— Таисия, садись, — сказала она. — Катя мне показала программу. Идея хорошая. Давай сразу посмотрим, что нам нужно.

Я достала распечатку.

Мы обсудили аудиторию, продолжительность занятий, количество участников и оплату.

Светлана Павловна предложила субботнее утро.

— В октябре у нас пока свободно помещение на одиннадцать часов. Два часа для взрослой группы тебе хватит?

— Да, если восемь человек. Больше брать не хочу.

— Почему?

— Мне нужно, чтобы каждый успевал говорить. Иначе получится лекция, а не практикум.

Она кивнула.

— Разумно. Шесть занятий?

— Шесть.

— Тогда ставим предварительно. Но мне нужно понимать, наберется ли группа.

— У меня уже есть несколько заинтересованных.

— Сколько?

— Четверо.

— Подтвержденных?

Я замялась.

— Пока только спрашивали.

— Значит, ни одного.

Я не выдержала и улыбнулась.

— Если строго считать — да.

— Вот. Поэтому сначала анонс, потом заявки, потом оплата. Не наоборот.

Мы договорились, что учебный центр разместит информацию о курсе на своем сайте и среди постоянных клиентов. Я подготовлю окончательное описание, программу и несколько упражнений для открытого занятия.

Если соберется восемь человек, курс начнется в первой половине октября.

Центр предоставит аудиторию, поможет с регистрацией и оплатой. За это удержит согласованную часть выручки.

Я быстро посчитала возможный доход.

При полном наборе сумма получалась вполне приличной.

Не огромной.

Но для шести суббот и самостоятельного проекта — хорошей.

— Ты только не набирай больше, чем сможешь провести, — сказала Светлана Павловна.

— Я понимаю.

— И не обещай людям, что через месяц они станут великими ораторами.

— Даже не собиралась.

— Прекрасно. У нас и без того хватает чудесных рекламных объявлений.

Я рассмеялась.

Когда мы вышли, Катя уже открывала таблицу для будущих заявок.

— Значит, делаем? — спросила она.

Я посмотрела на нее.

— Попробуем.

— Я бы сказала, что вы наконец решились.

— Почему наконец?

— Вы об этом курсе третий год говорите.

Я удивилась.

— Третий?

— Ну да. Помните, вы еще хотели сделать группу для преподавателей, потом для руководителей, потом вообще для всех желающих?

Я вспомнила.

Точно.

Идея появлялась, исчезала, возвращалась.

Каждый раз я находила причину отложить ее на потом.

То Леониду предстояла командировка, и я обещала поехать вместе с ним.

То мы планировали отпуск.

То у него было важное мероприятие, на котором мне нужно было присутствовать.

Иногда причины были действительно серьезными.

Но чаще мне просто казалось, что мое новое дело может подождать.

— Помню, — ответила я.

Катя улыбнулась.

— Ну вот. Теперь пусть не ждет.

Я забрала бумаги и пошла в аудиторию.

До следующего занятия оставалось двадцать минут.

Я села за стол, открыла ноутбук и начала править описание курса.

За окном проехал автобус. На соседней улице кто-то громко сигналил.

Обычный рабочий день.

Но мне вдруг стало очень хорошо.

***

Вечером позвонила Лида.

— Ну, рассказывай.

Я устроилась на диване с чашкой чая.

— Что именно?

— Все. Как читка? Как Марта? Ты говорила, что спорила с кем-то.

— Не спорила. Обсуждала сцену.

— С кем?

Я сделала глоток.

— С Ренатом Сомовым.

На другом конце линии возникла пауза.

— С кем?

— С Ренатом Сомовым.

— Я услышала. Ты с ним работала?

— Он играет Павла. У нас общие сцены.

— А-а.

Я насторожилась.

— Что значит это твое «а-а»?

— Ничего.

— Лида.

— Таська, мне просто интересно. Я знаю его по работе. Хороший актер.

— Я заметила.

— И мужчина симпатичный.

Я посмотрела на телефон.

— При чем здесь это?

Лида рассмеялась.

— Пока ни при чем. Я просто сообщаю общеизвестный факт.

— Мы разбирали сцену.

— Верю.

— И он нормально воспринял мое замечание. Не стал изображать обиженную звезду.

— Молодец какой.

— Лид.

— Все, молчу.

Но через несколько секунд она не выдержала:

— А ты вообще как? С людьми нормально общаешься?

Я задумалась.

— В каком смысле?

— В обычном. После всей этой истории с Леней.

— Конечно. Я же работаю.

— Я не про работу.

Я посмотрела на свои ноги, вытянутые на диване.

— Не знаю.

Лида помолчала.

— Ты ведь не обязана сейчас ни с кем знакомиться. Я просто спросила.

— Понимаю.

— И не обязана сидеть одна годами, если вдруг тебе кто-нибудь понравится.

Я не ответила сразу.

Понравится.

Такое простое слово.

Раньше я могла сказать, что мне понравился актер в фильме или красивый мужчина в кафе. Просто отметить внешность и забыть через минуту.

Но когда Лида произнесла это сейчас, я вдруг почувствовала неловкость.

Словно речь шла о чем-то недозволенном.

— Я пока даже не представляю себя с другим мужчиной, — призналась я.

— Это нормально.

— Иногда мне кажется, что я до сих пор замужем. Ну, не юридически. В голове.

— Ты и юридически пока замужем.

— Спасибо, очень утешила.

Она засмеялась.

— Я к тому, что времени прошло мало. Не требуй от себя невозможного.

Я откинулась на спинку дивана.

— Знаешь, что странно?

— Что?

— Сегодня я обсуждала свой курс. И мне было так интересно, что я вообще не вспоминала о Леониде почти до вечера.

— А потом вспомнила и почувствовала себя виноватой?

Я промолчала.

— Тась, ты очень предсказуема.

— Спасибо.

— Не за что.

Мы еще немного поговорили о работе, общих знакомых и новом спектакле.

Перед тем как отключиться, Лида спросила:

— А Ренат-то какой в жизни?

Я закатила глаза.

— Нормальный.

— Очень подробное описание.

— Высокий. Седина у висков. Уставший. Шутит.

— Красивый?

Я вспомнила его лицо.

Крупные черты, немного тяжелый взгляд, морщинки возле глаз, которые становились заметнее, когда он улыбался.

— Да, — ответила я.

Лида тихо присвистнула.

— Вот теперь интересно.

— Лидка!

— Все, все. Спокойной ночи.

Она отключилась, не дав мне возразить.

Я некоторое время смотрела на телефон.

Потом рассмеялась.

Нет, конечно, ничего особенного не происходило.

Ренат был коллегой. Мы встретились два раза, поговорили о работе и обменялись номерами по вполне понятной причине.

Но когда я закрыла глаза, мне почему-то вспомнилась не его внешность.

А то, как он сидел рядом во дворе студии и спросил:

«Тяжело?»

И не стал требовать подробностей.

***

В среду я получила окончательный вариант программы курса с замечаниями Светланы Павловны.

Она предложила немного сократить вступительную часть и подробнее описать практическую пользу занятий.

Я согласилась почти со всем.

Кроме одного пункта.

В рекламном тексте появилось обещание, что после шести встреч каждый участник сможет уверенно выступать перед любой аудиторией.

Я позвонила Кате.

— Это кто написал?

— Светлана Павловна предложила. Говорит, так понят-

нее.

— Но это неправда.

— Почему?

— Потому что у людей разные сложности. Кто-то через шесть занятий сможет выступить перед десятью коллегами, а кому-то понадобится больше времени. Я не могу обещать одинаковый результат всем.

Катя вздохнула.

— Я ей передам.

— Давай лучше напишем, что участники получат практику и обратную связь, научатся готовить выступление и работать с волнением.

— Это менее красиво.

— Зато честно.

— Хорошо. Попробуем.

После разговора я открыла документ и сама переписала спорный абзац.

Раньше я могла бы уступить.

Светлана Павловна руководила центром, разбиралась в рекламе лучше меня и наверняка хотела, чтобы курс набрался.

Но теперь я знала, что буду сама стоять перед людьми, которые заплатят деньги и придут заниматься.

И отвечать за обещания придется мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.